

"Покоренная дважды"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Ли Уилкинсон

Покоренная дважды

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Письмо, которое должно было перевернуть вверх дном жизнь Рейн Марлоу, пришло совершенно внезапно.

Она и ее отец завтракали в белой гостиной, выходившей окнами на восток. Сентябрьское солнце золотисто-медовыми лучами проливалось свою ласку на затаившийся сад и робко пробивалось сквозь решетчатые окна.

Рейн, находясь в блаженном неведении о том, какого рода перемены произойдут в ее судьбе, разравнивала мармелад на втором тосте, в то время как Калиб (зеленые кошачьи глаза цветом походили на глаза Рейн, а лоснистая черная шерстка напоминала о темноте ее кудрей) важно восседал на подоконнике. Солнечные лучи сверкали золотыми искринками на его роскошных усах.

- За сегодняшнее утро - только одно письмо, - доложила домоправительница.

Марта Диринг работала у них двадцать лет, и к ней относились уже как к члену семьи.

- Спасибо, Марта, - поблагодарил Ральф Марлоу, отец Рейн.

Это был симпатичный мужчина с сетью морщинок на лице и с роскошной седой шевелюрой. Он взял письмо, оторвал край конверта, на котором стоял американский штемпель, и развернул лист.

Рейн заметила, что выражение лица Ральфа менялось на глазах: оно стало сумрачным и напряженным.

- От кого письмо? - не удержалась она от вопроса.

Снимая очки в роговой оправе, он медленно проговорил:

- От Гарри.

- От дядюшки Гарри?

- Да.

Когда он передавал листок, у нее по телу пробежала непонятная дрожь.

Рейн знала, что братья-близнецы находились в ссоре и перестали поддерживать отношения еще до ее рождения, хотя в детстве они были неразлучными и после окончания колледжа вместе занялись бизнесом, связанным с недвижимостью.

Убежденные холостяки, перед которыми открывалась вполне успешная карьера, они оба влюбились в одну и ту же женщину - черноволосую, зеленоглазую, нежную красотку по имени Лорейн. Сначала она была подружкой Гарри, но предпочтение все же отдала Ральфу.

Когда было объявлено о свадьбе, между братьями произошел разрыв. Ральф унаследовал

фамильный особняк «Белоснежная леди», выстроенный еще при Елизавете I, а Гарри - приличную сумму денег, вполне достаточную для того, чтобы начать свой бизнес. Для чего он и уехал в Штаты.

С тех пор минуло лет тридцать.

Письмо с бостонским адресом было необыкновенно лаконичным:

«Наверное, странно, что я пишу спустя столько лет. Стыжусь признаться, но лишь гордыня не позволяла мне сделать это раньше. От одного из друзей нашей семьи я знаю, что Лорейн давно умерла и у тебя осталась дочь. Моей жены тоже давно уже нет в живых, я совершенно одинокий человек. Правда, у меня есть приемный сын - Ник. Я еще на ногах, хотя в последнее время начались нелады со здоровьем. Лечащий врач сообщил на днях, что мне осталось жить несколько месяцев. Как бы мне хотелось повидаться с тобой до кончины!.. Пожалуйста, приезжайте вместе с моей племянницей навестить меня. Надеюсь, она простит упрямого старика».

В конце стоял постскриптум:

«Если решишь приехать, то не откладывай. Я верю диагнозу, однако все может случиться...»

Рейн встревоженно взглянула на отца.

- Ты поедешь?

- Конечно, - без колебаний ответил тот, - а ты?

- Это необходимо?

- Будет жаль, если ты так и не увидишь своего дядюшку и кузена...

- Тогда да, поеду. Но как отразится на делах наш совместный отъезд?..

После окончания колледжа Рейн стала непосредственной помощницей отца в бизнесе. Каждый день они вместе приступали к работе в торговом городке Лопели, что в десяти минутах езды от дома.

- Никак не отразится, - развеял сомнения дочери Ральф и встал из-за стола. - Сейчас я отправлюсь в офис, чтобы уладить срочные дела, а ты пока займись приготовлениями к отъезду.

- Когда ты хочешь ехать?

- Желательно сегодня. Как только все будет готово, я позвоню Гарри и уведомя его о времени нашего прибытия.

В словах отца чувствовалось явное нетерпение: по-видимому, давняя привязанность к брату-близнецу заявила в нем о себе с новой силой.

Этой настрой передался и Рейн: не откладывая, она позвонила в аэропорт, и менее чем через час билеты на вечерний рейс до Бостона были доставлены.

В аэропорту их ждал мужчина высокого роста - худощавый, со слегка вьющимися волосами цвета спелой пшеницы. Увидев прилетевших гостей, он помахал им рукой и пошел навстречу.

Его сопровождала стройная черноволосая красавица со славянскими чертами лица и чувственными губами.

Когда мужчина остановился рядом с Рейн, из-под длинных ресниц на нее взглянули глаза цвета полярного неба и такой дивной красоты, что сердце девушки екнуло и начало отстукивать странный ритм.

- Рейн Марлоу? - Голос у мужчины был низкий, располагающий к себе и немного с хрипотцой. Улыбнувшись, он протянул руку: - Ник.

Плененная силой его рукопожатия, Рейн к тому же ощутила необыкновенную сексуальную притягательность, исходящую от Ника.

А тот, повернувшись к Ральфу, произнес:

- Я узнал бы вас при любых обстоятельствах: вы так похожи на моего отца.

- Пока мужчины хлопотали с багажом, Рейн избегала пристально рассматривать своего кузена: ей не хотелось выглядеть школьницей-фанаткой, с восхищением взирающей на своего кинокумира. Хотя его глаза и чувственный рот влекли ее как магнит, С вами все в порядке? - Вопрос заставил Рейн очнуться от грез, и она взглянула на Ника.

- Да, все в порядке, - пробормотала девушка, понимая, что должна немедленно овладеть собой, иначе он посчитает ее полоумной.

Серебристая обтекаемых форм машина Ника ждала их у выхода из аэропорта, и, как только был уложен багаж, авто плавно понесло и гостей, и встречающих к сердцу Бостона, седьмого по значимости города Соединенных Штатов.

Когда они оказались на улицах города, Ник, указывая на один из элегантных зеркальных небоскребов, заметил:

- Там мои офисы.

- Впечатляет! - восхитился Ральф. - Ты преуспеваешь в делах! Представляю, как трудно выстраивать свой бизнес, когда тебе еще не исполнилось и тридцати...

- Нет, совсем не трудно, - парировал Ник. - Технология проста и апробирована на многих: я скупал акции тех предприятий, которые оказывались перед угрозой краха, и реорганизовывал их, отсекая омертвевшие ветки, - оставшиеся начинали давать здоровые побеги...

Рейн, пока мужчины говорили между собой, разглядывала с заднего сиденья прекрасный город, архитектура которого создавала ощущение свободы и пространства. Среди высоких небоскребов - зданий современных, импозантных - проглядывали готические шпили часовен и башен с часами, оставшихся от колониальных времен.

Стоял теплый сентябрьский вечер, и улицы поражали обилием людей, гуляющих в легких летних платьях и шортах.

Обособленные из красного кирпича, брусчатка, залитая светом фонарей, стилизованных под газовые, - признаки респектабельности района, граничащего с набережной реки Чарлз, со стороны которой открывалась живописная панорама города.

Дом, где жили Ник и его отец, находился недалеко от площади Макленбург, очень нарядной, с раскидистыми деревьями, листва которых играла в свете фонарей всевозможными изумрудными оттенками. Неподалеку от площади был расположен парк.

Под номером восемь Рейн увидела добротный особняк, выстроенный в стиле эпохи короля Георга, парадную дверь которого украшали симметрично расположенные оконца и выкрашенные в черный цвет ящики с полыхающими в них цветами.

Когда машина повернула к дому, въездные ворота автоматически открылись, и за ними показался мужчина – высокий, сухопарый, с морщинистым лицом и седой шевелюрой. Хотя Рейн внутренне была готова увидеть человека, похожего на ее отца, тем не менее столь разительное сходство ее просто потрясло.

Гарри протянул руку для приветствия. Не говоря ни слова, Ральф пожал ее. Затем братья, словно бы отменяя прочь годы отчуждения и разлуки, обнялись с небывало трогательной сердечностью.

Рейн заворуженно смотрела на эту сцену, когда вдруг почувствовала, что Ник взял ее за локоть. Они обменялись все понимающими взглядами и как будто стали ближе.

В течение следующей недели это чувство близости не только сохранилось, но и укрепилось. Первое впечатление о Нике как о человеке преуспевающем нашло свое подтверждение в его поступках: он быстро принимал решения, всегда был в курсе всех событий, обладал сильным характером, цепкой памятью и умел показать это окружающим.

Как-то Рейн подслушала разговор двух братьев и поняла, что Гарри, несмотря на то что Ник его приемный сын, не только любит, но и глубоко уважает его.

- Быть мягкотелым в бизнесе непростительно, - заметил Ральф со знанием дела. - Вокруг слишком много акул.

- Да, ты прав, - согласился Гарри и добавил: - Ник далеко не мягкотел. Втереть ему очки рискнут не многие. Те, кто пытались это сделать, быстро обожглись.

- Но, кажется, он хороший работодатель?

- Разумеется, Ник не станет держать того человека, который не стремится к успеху, попросту говоря, валяет дурака. Но и тут он поступает по справедливости. Был случай, когда Ник уволил одного такого лентяя, а потом, пока тот не нашел другую работу, из своих средств помогал его семье. Не часто встретишь подобное, правда?

Каждый день приоткрывались Рейн новые и новые черты сложного характера Ника, и в целом все, что она узнавала о нем, ей нравилось.

Атлетически сложенный, с резковатыми чертами лица, он, кажется, не претендовал на роль кинозвезды, но от него исходил какой-то особый магнетизм, привлекающий женское внимание.

В нем совсем не было тщеславия, эгоизма. Внимательный, щедрый, Ник постепенно завоевывал в сердце Рейн все больше места. Ее дневные раздумья и вечерние грезы теперь все чаще были связаны с ним. Однако она не знала, чувствовал ли что-либо подобное по отношению к ней Ник. Когда его взгляд устремлялся на нее – а это случалось часто, – она замечала, что здесь не только интерес, но угадать мысли Ника было невозможно.

Однажды он взял выходной – и они вчетвером прогулялись по Бостону, знакомясь с его достопримечательностями.

С горечью осознавая то, что время одного из них на исходе, братья старались втиснуть в проживаемые вместе дни как можно больше впечатлений. Когда Рейн отправлялась спать, а Ник возвращался к себе в кабинет, чтобы наверстать упущенное за день, Гарри и Ральф продолжали свои задушевные беседы, которые могли длиться до раннего утра.

В один из вечеров Ник вызвался проводить Рейн до ее спальни. Они поднимались по лестнице, болтая о каких-то пустяках, и, когда Рейн расхохоталась от очередной его шутки, он вдруг наклонился и нежно поцеловал ее. Все вокруг девушки озарилось небывало ярким огнем, а затем, когда Ник неохотно оторвал свои губы, будто бы погрузилось в черный вельвет ночи.

- Приятных сновидений, Рейн, – донеслось до нее, когда она закрыла за собой дверь.

Ночь прошла беспокойно. Рейн снилось то белое кружево, то оранжевые цветы, то кружащиеся бело-розовые лепестки, то заляпанные грязью оконные стекла...

На следующий день она всеми силами старалась сохранять невозмутимый вид. Но в душе творилось что-то невероятное. Счастье, подобно пузырькам шампанского, играло в Рейн и рвалось наружу.

Ник появился только к ужину и выглядел спокойным и задумчивым. Ел он молча. Опустив длинные ресницы, Рейн исподтишка наблюдала за ним. Вдруг Ник оторвал взгляд от тарелки и посмотрел ей прямо в глаза.

Застигнутая врасплох, Рейн ступсывалась, зарделась, наклонила голову, стараясь за упавшими на лицо черными локонами, словно за ширмой, скрыть свое смущение.

- Завтра мне нужно ехать в штат Мэн, – тихо проговорил Ник.

- А что там, в Мэне? – Рейн удивленно вскинула брови.

Ответил Гарри:

- Когда-то давно я купил в тех краях компанию по переработке древесины. Ник время от времени навещается туда – проверить, как идут дела.

Ник улыбнулся:

- Любая поездка в Мэн для меня только в радость. Первозданная природа штата достойна восхищения. А не поехать ли нам всем вместе?

- Боюсь, меня надо исключить, – покачал головой Гарри.

- А чем примечательна природа штата? – поинтересовался Ральф.

Озера, горы, живописное скалистое побережье с сотнями малых островов, милые городки с белоснежными церквками, причудливые рыбацкие поселки, потаенные пристани, маяки... В основном людей кормит море, поэтому побережье заселено больше. На северо-востоке, ближе к Канаде, расположен заповедник – дивной красоты леса, топи, водные артерии, по которым сплавляют лес.

- Звучит увлекательно, – отозвался Ральф, – но я как-то попривык уже к Бостону.

- Почему бы вам двоим, молодым, не поехать? - предложил Гарри.

- Ну что скажешь, Рейн? - Ник смотрел на нее с улыбкой.

Путешествие вдвоем с ним? Да это все равно что прыгнуть с самолета без парашюта: что от тебя останется, можно только гадать.

- Я бы не отказалась. - Ее голос слегка дрожал - возможно, от волнения.

Ранним утром следующего дня они уже летели в Бангор. Ник сам управлял частным самолетом, снабженным всем необходимым для безопасной посадки в дебрях Мэна. Сначала им нужно было посетить офис компании, поэтому приземление они осуществили на ровной шоссе-ной дороге, также принадлежащей компании.

Ник повернул самолет на боковую дорожку и остановил его у ворот, за которыми располагалось несколько фабричных строений.

Выйдя из машины, они направились к одному из зданий, где их встретил приветливого вида коренастый лысеющий толстяк, одетый в клетчатую фланелевую рубашу и носивший очки без оправы. Элмо, так звали толстяка, предложил Рейн черный кофе и большой кусок торта. Ник сразу же занялся делами и освободился не скоро. Рейн долго ждала его, не зная, чем себя занять, поэтому очень обрадовалась, когда он сказал:

- Здесь неподалеку, в местечке Совиный ручей, имеется сруб. Может, ты захочешь пожить в нем несколько дней и осмотреть окрестности? Или предпочтешь места более цивилизованные?

- О, конечно же, я останусь здесь! - не колеблясь ответила она.

Сруб на сваях стоял на небольшой просеке. С трех сторон его окружала открытая веранда. Вокруг возвышались холмы, поросшие лесом, а вдали сверкала зеркальная гладь озера. Рейн испытала неопиcуемый восторг при виде девственной красоты природы.

Ник открыл массивную дверь сруба и направился к камину, чтобы развести огонь. Потом он перенес внутрь вещи из самолета.

В срубе была кухня с газовой плитой и холодильником, в котором хранились консервы. К кухне примыкала небольшая спальня, за ней располагалась ванная комната. Но основную часть внутреннего пространства занимала большая гостиная с легкой перегородкой. Меблирована она была просто: два длинных книжных шкафа, кофейный столик, диван и два кресла, обтянутые черной кожей. На окнах - веселые занавесочки, на полу - коврики с ацтекской, символикой.

В спальне стояли платяной шкаф, комод, бельевая тумба и широкая кровать.

- Ну как тебе тут, нравится? - спросил Ник.

- Очень! - ответила Рейн, стараясь не придавать значения тому сексуальному напряжению, которое вдруг возникло между ними. - Но каким образом здесь все действует?

- О, это просто: вода подается автоматически из колодца, подогрев осуществляется с помощью газовых баллонов. Плита - газовая, холодильник тоже работает от газовых баллонов.

Довольно быстро сгустились сумерки. Ник задернул занавески на окнах и зажег свечу. В

каmine потрескивали дрова. Стало очень уютно.

- Сегодня готовлю я, - сказал он, - а завтра твоя очередь. Но сначала немного выпьем... - Ник достал из привезенной с собою сумки бутылку вина и плеснул из нее по чуть-чуть в два изящных бокала.

Принимая свой бокал, Рейн случайно коснулась руки Ника, и у нее перехватило дыхание. Их взгляды встретились и будто вступили в поединок: в глазах Ника откровенно читался вызов, а в ее - колебание, хотя Рейн знала, что именно сейчас наступил тот момент, когда она должна принять решение: отдаться ему или отступить.

Но ведь она желала его! Кровь бурлила и неслась в ее венах, подобно безудержной лаве. И он, взяв бокал из ее дрожащих пальцев, осторожно поставил его на стол. Потом они вместе легли на пол, здесь же, у камина, и Ник начал целовать ее, попутно раздевая.

Он действовал неторопливо, очередной обнаженный кусочек ее тела встречал нежным поцелуем.

И вот уже его ладони ласкали ее безупречной красоты грудь, а ненасытный рот легонько играл темноватыми сосками. Потом руки Ника погладили крутые бедра Рейн и, скользнув к ее укромной колыбели любви, на мгновение замерли там.

- Ты самая прекрасная женщина из всех, что мне довелось видеть, - хриплым голосом прошептал он и в один миг сбросил с себя одежду. - Как ты чаруешь меня...

Ее тело отвечало на его ласки без малейшего стеснения, будто приветствуя каждое его прикосновение, прогибалось навстречу.

Ник оказался искусным любовником: Рейн была девственницей, но, когда он входил в нее, она совсем не почувствовала боли - только радость и восторг.

- Я у тебя первый? - вкрадчиво спросил он чуть позже.

- А ты как думаешь? - улыбнулась она.

- О, я чувствую себя королем! - только и прозвучало в ответ.

Все последующие дни они предавались любовным утехам, оставляя постель лишь для того, чтобы принять душ, перекусить или совершить прогулку на каноэ по озеру.

Ник называл ее «моя зеленоглазая колдунья» и не уставал повторять, сколь она ему желанна. Но вот идиллическая неделя кончилась, и им пора было возвращаться.

В путь отправились рано утром. Во время обратного перелета Ник был молчалив и задумчив, а Рейн, с трудом веря в то счастье, которое свалилось на нее, снова и снова возвращалась мысленно к минутам любви, пережитым вместе с Ником.

Дома их ждало сообщение от секретаря Ника.

- Черт! - пробурчал он и нахмурился. - Я хотел серьезно поговорить с тобой, кое-что объяснить, но придется ехать в офис. Нужно просмотреть и подписать несколько важных бумаг. - Он с теплотой и сердечностью пожал ее руку. - Я ненадолго, обещаешь не скучать?

- Конечно, поезжай, - улыбнулась Рейн. Он быстро нашел ее губы и, запечатлев на них

страстный поцелуй, исчез.

Рейн была в гостиной, когда появилась домоправительница и вежливо спросила:

- Не угодно ли вам чего, мисс Марлоу? Может быть, принести чаю?

- Благодарю вас. Это было бы чудесно.

Не успела она приняться за еду, как вдруг, без предупредительного стука, дверь резко распахнулась.

Вскинув глаза и сохраняя добродушную улыбку, Рейн была очень удивлена, увидев стройную темноволосую девушку года на два старше ее.

- Привет! - громко произнесла та. - Я - Тина. А ты, наверное, кузина Ника? Когда он говорил со мной по телефону, то сообщил, что ты и твой отец должны вот-вот приехать... Он дома?

- Нет, в офисе.

- Это в субботу-то? А ты не знаешь, он там долго пробудет?

- Сказал, что едет на пару часов.

- Тогда у меня достаточно времени, чтобы вернуться домой и распаковать вещи.

- Недалеко живешь? - любопытствовала Рейн.

- Да, рядом. - Тина плюхнулась в ближайшее кресло, вероятно чувствуя себя как дома. Потому и с Ником вижусь часто. Но сейчас кажется, век его не видела и... подумать только, соскучилась! Последние три недели я жила у школьной подружки в Нью-Йорке. Вернулась только что, Ник должен был встретить меня в аэропорту завтра, а я взяла и прилетела на день раньше, чтобы его приятно удивить. - Девушка отбросила назад прядь волос, и Рейн заметила у нее на левой руке кольцо с сапфиром.

- У вас чудное колечко, - сделала она комплимент.

Миловидное личико Тины озарилось радостью.

- Действительно, чудное, правда ведь? Я хотела кольцо с бриллиантом, но Ник выбрал это.

Чувствуя себя так, будто на нее вылили ушат холодной воды, Рейн спросила:

- Значит, вы с Ником помолвлены? И как давно?

- Ник сделал мне предложение и купил кольцо за день до моей поездки в Нью-Йорк. - Поднявшись с кресла, Тина направилась к двери. - Пойду распакую подарок Нику. Я купила ему часы и хочу, чтобы это был для него сюрприз. Если он придет раньше, не говори ему, хорошо?

Боюсь, что я вообще не увижу Ника, - спокойно ответила Рейн, - у меня возникли... возникли обстоятельства... Мне необходимо срочно лететь домой, поэтому через несколько минут я еду в аэропорт.

- Ну, тогда до скорого! - Тина одарила ее широкой улыбкой. - Надеюсь, поездка сюда была

приятной. Желаю тебе благополучно добраться до дома.

Как только за стройной фигуркой девушки закрылась дверь, Рейн вызвала по телефону такси. Затем, взбежав наверх, к себе в комнату, поспешно затолкала в кейс вещи и черкнула записку отцу, который был с дядей на футбольном матче, объяснив поспешность отъезда тем, что заболела. Такси подъехало быстро. В аэропорту ей тоже повезло: нашлось одно место на самолет до Лондона, отлетающий буквально через несколько минут. Не прошло и часа, как Рейн уже летела над океаном: бледная и подавленная, а что на сердце – одному Богу известно.

Услужливая стюардесса дотронулась до ее плеча:

- Вам нехорошо? Что-нибудь принести?

- Нет, спасибо, – покачала головой Рейн, – все в порядке, просто я очень устала...

Быстро простившись с иллюзиями насчет Ника, она ругала себя самыми последними словами. Дура! Идиотка! Это до какой степени надо быть слепой, чтобы не увидеть, что ему была нужна всего лишь интрижка, секс-приключение на время отсутствия невесты!.. А она отдала ему всю душу!.. Да что там душу, всю себя – причем с такой готовностью! А что, если она забеременеет? Забеременеет от человека, который просто попользовался ею... Рейн охватил ужас, по телу побежали мурашки. Судорожно подсчитав благоприятные и неблагоприятные дни, она пришла к выводу, что все еще может обойтись без ужасных последствий. Хороший, хоть и горестный урок... Нет, больше никогда она не позволит страсти управлять собой!

Едва она вошла в дом, раздался телефонный звонок. Звонил отец.

- Что случилось, Рейн?

Я точно не знаю... У меня, кажется, грипп...

- Без меня там справитесь?

- Конечно, конечно.

- Пожалуйста, к работе не приступай и сообщи, если необходимо мое присутствие.

- Думаю, что тебе лучше побыть с дядюшкой Гарри... Передай ему сердечный привет.

- Не клади трубку, – поспешно добавил Ральф, – с тобой хочет поговорить Ник.

- Рейн...

Но она уже опустила трубку дрожащей рукой.

Рейн с трудом пробивалась сквозь череду длинных дней и не менее длинных ночей. Жизнь в ней замерла. Ник пытался дозвониться до нее еще несколько раз, но она отказывалась говорить с ним и разрывала, не вскрывая, все его письма. Она вернулась к работе, пытаясь ею заглушить боль, сосущую изнутри, однако тоска по Нику не проходила. Да, она тосковала по нему, хотела его видеть – пусть он и воспользовался ею, предав свою невесту...

Отец вернулся домой почти через месяц, причем с большой неохотой. Рейн ничем не выдала своих переживаний. Она лишь спросила, как чувствует себя дядюшка Гарри. Ральф решил сразу же взять «быка за рога».

- Ты что, поссорилась с Ником? – спросил он у дочери.

- С чего ты взял?

- Не води меня за нос! Мне известно, что ты не хотела говорить с ним по телефону! – Рейн промолчала, а отец продолжил: – Наверное, тому есть серьезная причина, иначе ты не умчалась бы домой, как ошпаренная кошка, но я уверен, что...

- Умоляю, – вырвалось у Рейн, – не говори со мной на эту тему...

Видя, что, похоже, он ничего не добьется от дочери, Ральф лишь вздохнул:

- Возможно, ты изменишь свое мнение, когда Ник придет.

- Приедет? – прошептала она со спазмом в горле. – Сюда? И когда же?

Сказал, что очень скоро. Должно быть, на этой неделе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Так и не сомкнув глаз в течение всей ночи, Рейн, дождавшись первых лучей солнца, встала, собрала небольшой чемодан и присела написать записку: уехала в Лондон на несколько дней. Потом тихо прикрыла за собой входную дверь. Домоправительница Марта еще спала. Без сомнения, поступок трусливый, но она не могла остаться и смотреть в лицо Нику. Что побуждало его сюда приехать? Укоры совести? Запоздалое раскаяние в том, что не сказал о своей невесте?..

Что бы он ни говорил и как бы ни вел себя, видеть его ей было невыносимо. Любые его извинения лишь только добавили бы горечи в ее переживания.

Мотор маленького автомобиля завелся сразу, и Рейн, быстро добравшись до станции, оставила машину на пристанционной парковке. Она успела на утренний поезд и уже до завтрака разместилась в одном из тихих отелей Лондона, надеясь немного развеяться в большом городе. Ник, не дождавшись ее, вернется в Штаты, надеялась она. Следующие несколько дней Рейн старалась не думать о нем, однако воспоминания навязчиво лезли в голову. Стоило ей расслабиться, как вспоминались его улыбка, голос, смеющиеся глаза... И другое, о чем лучше было бы забыть навсегда! Она постарается забыть. Она принудит себя не вызывать в памяти прошлое, не станет думать о мужчине, принадлежащем другой женщине. Ею воспользовались – только и всего.

Зная, что сидение в комнате ни к чему не приведет, Рейн решила заполнить дни посещением музеев, картинных галерей – в общем, провести время с пользой.

Однажды, выходя из театра, где она смотрела мюзикл, Рейн столкнулась с идущим навстречу высоким худощавым мужчиной. От неожиданности она сделала шаг назад, ее сумочка расстегнулась, и содержимое раскатилось по асфальту.

- Ой, извините меня. – Хорошо одетый незнакомец тут же бросился собирать выпавшие предметы.

- Это я во всем виновата. Я пыталась поймать такси и засмотрелась, – виновато оправдывалась Рейн.

- С вами все в порядке?

- Да, конечно, просто я неудачно отступила, и щиколотка немного болит. Ничего страшного.

- Идти-то вы можете?

- О, конечно. - Рейн опять виновато заморгала.

Мужчина взглянул на нее озабоченно.

- Лучше будет, если я вас подвезу. Моя машина совсем рядом. - Рейн замешкалась в нерешительности, а он добавил: - Быстро такси вы все равно не поймаете.

Он был молод, хорош собой и имел respectable вид.

- Ну пожалуй, если только вам по пути... Я живу в отеле «Уиррал» возле Грин-парка.

- Я знаю этот отель, и моя квартира недалеко от него.

- Благодарю. Вы очень добры.

- Ну что вы, - вежливо ответил он и несколько манерно предложил опереться на его руку. Они направились к машине, Рейн слегка прихрамывала. Молодой человек по пути представился: - Меня зовут Кевин... Кевин Сомерсби.

- Рейн Марлоу.

- Рейн? - удивленно переспросил он.

- Это сокращенное от Лорейн, - пояснила она.

- О-о, - протянул он.

Машина была словно бы продолжением своего хозяина: дорогая, сверкающая чистотой снаружи и выдержанная в строгих тонах внутри. Кевин услужливо помог ей сесть: воспитанность и чопорность, казалось, были его природными свойствами. По дороге они дружески беседовали. Рейн узнала, что Кевин служит в Министерстве иностранных дел. Когда они приг ехали к отелю, он проводил ее до холла и пожелал доброй ночи.

- Доброй ночи, - Рейн протянула ему руку, - и еще раз благодарю вас.

Он задержал ее руку в своей и спросил:

- Можно мне позвонить вам завтра и узнать, как ваша щиколотка?

- Конечно, можно.

Очень любезный молодой человек, подумалось ей, когда она поднималась в свою комнату, - полная противоположность Нику. Когда Кевин явился на следующее утро сразу после завтрака с букетом роз на длинных стеблях и пригласил ее на ланч, она без колебаний приняла приглашение. Они провели вместе и вечер. Перед тем как попрощаться, Кевин спросил у Рейн, как долго она пробудет в городе.

- Право, не знаю, - задумчиво протянула она, - возможно, еще день-другой...

- Моя матушка хочет пригласить вас завтра на ланч. Окажете такую честь?

Не в силах отказать и не совсем уверенная в том, хочет ли она нанести такой визит, Рейн вежливо ответила:

- Спасибо, мне очень приятно.

- Тогда я подъеду за вами в двенадцать, - довольным тоном произнес Кевин, и Рейн вдруг поняла, что это приглашение, конечно же, обсуждалось на семейном совете.

Леди Сомерсби, высокая сухопарая женщина со сложной прической, церемонно приветствовала Рейн у себя дома на следующий день. После великолепного ланча и осторожных расспросов о ее социальном положении Рейн почувствовала к себе явный интерес - это выразилось в том, что хозяйка предложила сыну показать госте семейные портреты.

Вечером, после звонка домой, Рейн узнала, что Ник вернулся в Штаты. Когда она сообщила Кевину об отъезде, он не смог скрыть своего огорчения и спросил:

- Ты приехала сюда на машине?

- Нет, на поезде.

- Тогда позволь мне довезти тебя до дома.

- Очень признательна, - ответила она, - но разве тебе не нужно быть на работе?

- Я взял отгулы, - твердо заявил он. Рейн не знала, как отнесется отец к тому, что она явится домой с незнакомым мужчиной, но после недолгого колебания решила ехать с Кевином - он так учтив и предупредителен, что непременно понравится отцу.

С тех пор он стал приезжать к ним часто и ранней весной сделал Рейн предложение. Она ответила согласием. Кевин купил ей колечко с бриллиантом, и они начали говорить о свадьбе и строить планы на будущее. С Кевином все будет идти своим чередом, знала Рейн: спокойно и чинно. У них совпадали взгляды на жизнь, а расходились лишь по двум позициям: должна ли жена работать и где они будут жить. Рейн не хотела бросать свою работу - во всяком случае, сразу, но Кевин заупрямился:

- Милая, моя матушка очень не одобряет эти современные браки, когда жена продолжает работать в ущерб ремейной жизни. Кроме того, тебе будет трудно совершать изнурительные ежедневные поездки, поскольку моя квартира находится слишком далеко отсюда.

- Но мне бы не хотелось бросать отца, - ответила Рейн, - он заботился обо мне с того времени, как умерла моя мама, и я ему обязана всем. - Видя, что Кевин нахмурился, она утешающе добавила: - Здесь, в поместье, места для тебя предостаточно, а до твоего офиса ехать столько же, сколько от лондонской квартиры.

Однако Кевин выказал непреклонность:

- Я всегда полагал, что жена должна жить в доме мужа, а не наоборот.

- Но что я буду делать целый день в замкнутом пространстве лондонской квартиры?

Во взгляде его серых глаз выразилось искреннее удивление:

- Я надеюсь, нам не придется скучать, когда мы поженимся. Кроме того, есть масса возможностей, чтобы развлечь себя. Можно, к примеру, посещать благотворительные комитеты, и вообще... Матушка с готовностью придет тебе на помощь. Да к тому же мы ведь планируем иметь детей, разве не так? Она ухватилась за эту идею:

- Вот именно! Городская квартира далеко не идеальное место для детей!..

- Придет время, и мы подыщем домик в деревне. Согласна?

Она кивнула и с неохотой произнесла:

- Хорошо, я скажу отцу, что после свадьбы работать не буду.

Получив то, что хотел, Кевин почувствовал необходимость проявить великодушие:

- Если ты хочешь жить недалеко от отца, мы непременно найдем что-нибудь подходящее в этом районе. - Он поцеловал ее в щеку. - А теперь мне нужно идти: матушка просила от - везти ее на какую-то благотворительную акцию, потом на ланч, но во второй половине дня я вернусь. Кстати, я заказал ужин в «Лопели» : ты ведь много раз говорила, что хотела бы там побывать...

Обезоруженная предупредительностью Кевина, Рейн утратила всякую охоту спорить, проводила его до машины и сердечно помахала вслед.

Рейн, лежа на спине в саду, окруженном каменной изгородью, наслаждалась осенним теплом, нежной зеленью газона и... ждала своего жениха. Слышалось жужжание пчел над лавандой и розами. Легкий ветерок щекотал щеки Рейн, поигрывал упругими кольцами ее волос. Рядом сидел кот. Полизывая розовым язычком лапку, он нехотя умывался. Вдруг Калиб настороженно замер, и через секунду-другую скрипнула калитка.

Не открывая глаз, Рейн прислушалась к приближающимся шагам. Идет Кевин, определила она, и вскоре тень от ее жениха упала ей на лицо.

- Привет! - лениво промурлыкала Рейн, по-прежнему не открывая глаз. Когда он сел рядом и наклонился, чтобы поцеловать ее, она обвила руками его шею. Как это не похоже на Кевина - взять и не раздумывая сесть на траву! Да и касание его губ какое-то другое. Более волнующее, что ли... По всему телу Рейн пробежали волны блаженства, когда его поцелуй сделался жарче, страстнее. Но тут вдруг ее пронзил внезапный страх: до сих пор лишь только Ник оставался тем единственным мужчиной, который мог вызвать у нее такую реакцию...

Рейн открыла глаза.

Солнце было яркое, и сначала она ничего не разглядела. Зато потом, когда прямо перед ней возникло худое, сардонически улыбающееся лицо, она сразу же узнала его и просто не поверила своим глазам. Это сон или явь?

Ее охватила паника, она резко вскочила и на одном дыхании выпалила:

- Что ты здесь делаешь? И как ты смеешь так целоваться?

Его брови удивленно взлетели вверх.

- А как ты хочешь, чтобы я целовался? Как твой жених?..

- Я вообще не хочу, чтобы ты меня целовал! - парировала Рейн.

- А когда-то хотела, - заметил он с намеренной жестокостью.

Она ступала: воспоминания о пережитом нахлынули на нее с опустошающей силой, но она быстро нашлась:

- Откуда ты вообще знаешь, как целует меня Кевин?

- Твой отец описал мне его... Корректного молодого человека...

- И ты интерпретировал эти слова по-своему: скучный и бесстрастный...

- А что, я не прав?

- Не собираюсь обсуждать с тобой Кевина! Лучше скажи, что ты здесь делаешь?

Его красивые белые зубы обнажились в улыбке.

- Ну, если гора не идет к Магомету... В общем, я решил, что пришло время нам поговорить.

- Нам не о чем говорить, Ник. Через месяц у меня свадьба.

- В самом деле?

- Да, в самом деле. Разве отец не упомянул о свадьбе?

Его улыбку как рукой сняло.

- Да, что-то такое он говорил... По-моему, твой отец невысокого мнения о твоём избраннике.

- То, что мой отец думает о Кевине, тебя не касается, - зло бросила она.

- Не уверен... Мы ведь родственники... К тому же дядя Ральф, кажется, прав...

- В данном случае - нет. Он судит предвзято и...

- Умерь свой запал, - мягко прервал ее Ник, - по-видимому, я сам сейчас сумею вынести правильное суждение...

Пересекая газон, к ним приближался Кевин. Несмотря на теплую погоду и воскресный день, он был одет, как всегда, консервативно: костюм, галстук. На фоне одежды Ника (простые хлопчатобумажные брюки и голубая рубашка с открытым воротом) это смотрелось как седло на корове. Все равно Кевин симпатичнее, сказала себе Рейн и, по-театральному протянув вперед руки, воскликнула:

- О, дорогой!..

Когда он подошел к ней, она опустила ему руки на плечи и поднялась на цыпочки, чтобы дотянуться до губ. Кевин не выразил никакого протеста, но было заметно, что чувствует он себя неловко.

Ник издал нагловатый смешок.

Рейн бросила на него гневный взгляд.

- Доминик Марлоу, кузен Рейн, - представился Ник.

- Кевин Сомерсби. Очень рад. - Кевин пожал протянутую руку.

После непродолжительной паузы Рейн ласково предложила своему жениху:

- Пойдем в дом?

Ник последовал за ними, будто вопрос-предложение адресовался и ему.

По дороге Кевин обратился к Нику:

- Значит, вы приходитеесь Рейн кузенком? А глядя на вас, не скажешь, что вы родственники: совсем не видно никакого сходства.

- Между нами нет кровного родства, - кратко пояснил Ник.

- Однако фамилия та же?

- Моя мать овдовела, когда мне был год. Дядя Рейн, Гарри Марлоу, - второй муж моей матери, следовательно, я его приемный сын.

- Понимаю, - кивнул Кевин и любопытствовал: - Каким бизнесом вы занимаетесь, мистер Марлоу?

- В семье меня зовут Ник.

- Как соблаговолите. Пусть будет Ник, - трогательно откликнулся Кевин.

С полуулыбкой Ник продолжал:

- Я подбираю малые, терпящие крах компании и превращаю их в большие и преуспевающие.

Кевин поправил очки и неуклюже заметил:

- Это, должно быть, приносит самоудовлетворение.

- Да уж, поверьте, приносит. Неизвестно от чего Рейн передернуло.

Тут к ним присоединился Калиб, возникший из разноцветья фиалок. Кот вышагивал рядом с Ником.

- Странно, что мы встретились только сейчас, - сказал Кевин, - но Лорейн ничего не говорила мне о вас...

- Я тоже до сегодняшнего дня не подозревал о вашем существовании, - искоса глядя на свою кузину, пробурчал Ник.

Кевин даже не знал, что на это ответить. Воцарилась неловкая пауза. Рейн подыскивала слова, но Кевин нашелся первым.

- Мне показалось, вы живете не в Европе... не так ли? - спросил он.

- Я живу в Бостоне, штат Массачусетс, - уточнил Ник.

- Вот-вот, у вас очень заметный американский акцент...

Ник оставил этот снобистский выпад незамеченным, и они шли какое-то время молча. Однако уже перед самым домом Кевин возобновил разговор:

- Итак, вы знаете друг друга всю жизнь? Ник отрицательно качнул головой.
- Нет, мы не были даже знакомы до... Когда мы впервые встретились, Рейн?
- Точно не помню, - процедила она сквозь зубы.
- Да не может такого быть! - Он перехватил ее ускользающий взгляд.
- Ну, может, около года назад... - Рейн изо всех сил старалась не показать своего волнения.
- О, это довольно романтическая история! - подхватил Ник. - Видите ли, когда...

Но Рейн резко оборвала его:

- Мне кажется, Кевину будет скучно слушать нашу семейную историю...
- Нисколько, - вежливо возразил Кевин и, повернувшись к Нику, попросил: - Продолжайте, пожалуйста.
- Может быть, ты продолжишь? - предложил Ник Рейн.

Почувствовав себя зажатой в тиски, она начала:

- Приемный отец Ника и мой - близнецы. Более тридцати лет назад они поссорились и не поддерживали отношений. А потом неожиданно пришло письмо от дядюшки Гарри, в котором он сообщал, что тяжело заболел и хотел бы повидаться с нами. Отец и я полетели в Бостон. Там я впервые и встретила с Ником...

Они поднялись по ступенькам, и Рейн, открыв входную дверь, пригласила мужчин пройти в гостиную. В ней находился Ральф, он читал. Увидев вошедших, отец Рейн снял очки и отложил книгу. Потом с улыбкой обратился к дочери:

- Марта только что спрашивала, сколько человек будет к ужину, будь любезна, сообщи ей.

Рейн холодно спросила:

- А что, Ник остается?
- Конечно же, остается, - ответил отец.
- Тогда ужинать вы будете вдвоем, - она сделала шаг к своему жениху, - ибо у нас другие планы на вечер, не так ли, дорогой?

Отец нахмурился.

- Другие планы?
- Я переоденусь, и мы отправимся в «Лопсли» - Кевин заказал столик.
- Что еще за «Лопсли?» - раздраженно спросил отец.
- А это новый ресторан, хотим опробовать. Так что извините: не сможем составить вам

компанию. – Рейн презрительно улыбнулась Нику: – Уверена, вы найдете о чем побеседовать.

– Наверное, найдем, но мне хотелось бы поговорить с тобой, – парировал он.

Ее лицо превратилось в неподвижную маску.

– Все, что ты собираешься мне сказать, наверняка подождет до завтра.

К сожалению, это не так. – Ник повернулся к Кевину и дружески хлопнул его по плечу. – Нам необходимо решить кое-какие семейные проблемы, причем это не терпит отлагательства. Думаю, вы понимаете меня: в таких обстоятельствах мне бы не хотелось, чтобы...

– О, разумеется! – Кевин приготовился уйти.

– Но ведь Кевин скоро станет членом нашей семьи. Разве он не может остаться? – запротестовала Рейн.

– Не волнуйся, дорогая. Мы сходим в ресторан в другой раз. Я сейчас уеду и вернусь завтра рано утром, если ты не возражаешь, – успокоил ее жених.

Она тем не менее ждала, что скажет отец. За него ответил Ник:

– Он может, однако... – в его глазах четко читалось: «Захочешь ли ты сама этого?..»

Ник вел себя так, будто был здесь хозяином. Он обнял Кевина за талию и проводил его до двери. Потом, обернувшись, обменялся с Ральфом многозначительным взглядом и вышел вслед за Квином.

Рейн рванулась к отцу, полная негодования.

– Что он здесь делает? – вскричала она. – Я пригласил его.

– Почему ты мне не сказал о его приезде?

– Потому, что ты всячески избегаешь Ника.

– Я не хочу его видеть!

– Знаешь что, упрямая девчонка, ты даже не представляешь, до какого состояния ты его довела. Он неделю здесь околачивается ради тебя, в то время как в Бостоне его ждут неотложные дела. Ник не заслуживает такого отношения к себе. Почему у тебя не хватает такта остаться и выслушать его?

– Меня уже заранее тошнит от всего того, что он скажет. Поэтому знай: сейчас я осталась против своей воли...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В душе Рейн все протестовало, она не хотела видеть Ника. Никогда. Разве не умудрилась она не присутствовать на похоронах дяди, хотя угрызения совести и мучили ее?.. И все лишь потому, что избегала встреч с его приемным сыном...

– Зачем ты его вызвал? – в упор спросила Рейн.

Явно испытывая чувство неловкости, Ральф ответил:

- Лечащий врач настаивает, чтобы я не приступал к работе еще по крайней мере месяца три. - Он дотронулся до грудной клетки.

- Сердце?.. - в ужасе прошептала Рейн.

- Нет, с сердцем все в порядке. Но, видишь ли, я не молодею и...

- Ах, папа... - Она опустила на колени возле кресла. Страх сковал все ее члены.

- Да не волнуйся ты так. - Он похлопал дочь по руке. - Сейчас же встань, а то вот-вот войдет Ник... Кстати, я хочу, чтобы он взял на время бразды правления в свои руки.

- А разве я не могу их взять? - В голосе Рейн слышался протест. Она поднялась на ноги.

Ральф покачал головой:

- Ты скоро выходишь замуж, и, поскольку Кевин не хочет, чтобы ты работала...

- Но разве твой помощник Дэвид Феррис не справится? Он ведь с тобой в бизнесе уже много лет...

- У Дэвида и так полно забот, - прервал Рейн отец. - Кроме того, мне бы хотелось передать дела человеку, который сумел бы существенно продвинуть наш бизнес...

- А разве сможет Ник управлять и нашими делами не в ущерб своим собственным?

Ну, он умеет правильно перепоручить, если что... У него достаточно симпатичная команда, которая эффективно работает и в его отсутствие... Я понимаю: у вас не сложились отношения, - ласково проговорил Ральф, - однако Ник оказывает нам неоценимую услугу, поэтому попытайся быть лояльной к нему. - (Рейн стиснула зубы. Когда отец говорил с ней таким тоном, она вновь чувствовала себя ребенком, а не двадцатичетырехлетней женщиной.) - Я знаю, ты намеревалась взять отпуск на месяц, чтобы подготовиться к свадьбе, - продолжал он, - но не могла бы ты уделить день-два Нику, ввести его в курс дела?

- Ни за что! Я... Извини, отец, у меня нет времени! - отрезала Рейн. Видя его явное огорчение, она поспешно добавила: - Дело в том, что мне необходимо уехать. Леди Сомерсби попросила меня перед свадебными торжествами еще раз выверить все детали на месте... Так что завтра Кевин приедет за мной, и мы отправимся в город вместе.

- Ты опять убегаешь?

- Ничего подобного, никуда я не убегаю! Мне просто необходимо завершить приготовления к свадьбе.

Тихий звук открываемой двери заставил их разом смолкнуть. Вернулся Ник. Судя по его виду, он подслушал достаточно, чтобы быть в курсе дела.

- Пока ты не приступила к дальнейшим приготовлениям, нам нужно поговорить, - твердым голосом заявил он.

- А я уже знаю, о чем речь, мне отец сказал. Я признательна за помощь, но...

- Твой отец сообщил тебе лишь часть того, что мне хотелось бы обсудить...

Мужчины многозначительно переглянулись.

- Если вы позволите, - Ральф встал с кресла, - я выйду сказать Марте, на сколько человек готовить ужин, иначе его вообще не будет.

Ник очень спокойно произнес:

- Я намеревался отвезти Рейн поужинать в каком-нибудь местечке, если это не противоречит вашим планам...

- Я ничего не имею против, - подобострастно откликнулся Ральф.

На мгновение она просто лишилась дара речи! Но, когда за худощавой фигурой отца закрылась дверь, Рейн резко повернулась к Нику и выпалила:

- Даже если бы ты остался единственным человеком на планете...

- Не очень оригинальное замечание.

- Оригинальное или нет, судить не тебе. Не представляю, какую нужно иметь наглость, чтобы предлагать такое после того, как ты полностью разрушил мои планы на вечер!..

- Вечер еще не кончился, так что будь умницей: иди и переоденься.

- В субботу вечером ты никуда не попадешь без предварительного заказа, разве что в местную харчевню...

Я уже заказал столик на двоих в «Прист-Хаусе». - (Это был самый дорогой и изысканный ресторан в округе.) Как ты смеешь так вести себя? - возмутилась Рейн. - Боюсь, тебе придется ужинать одному! Я скорее умру от голода, чем приму твое приглашение!

Лицо Ника напряглось.

- Моя дорогая Рейн, ты, кажется, не понимаешь, что это... это не приглашение, а приказание.

- Ты считаешь, что вправе приказывать мне? - Она, казалось, захлебывалась от гнева. - Решил, что; помогая отцу, автоматически обрел такое право, да?

- Я все расскажу тебе за ужином. Может, ты все-таки пойдешь и переоденешься? - Когда она повернулась, чтобы уйти, Ник предостерег: - И не беспокой отца, пока не узнаешь реального положения дел.

С дрожью в ногах она поднималась к себе в комнату. «Не беспокой отца...» Что стоит за этими словами Ника? Отец что-то скрывает от нее?.. Надо поговорить с лечащим врачом, решила Рейн. Руки ее все еще дрожали, когда она надевала шелковое сиреневое платье, в тон ему жакет и туфли на высоком каблуке. У нее совсем не было настроения заниматься макияжем, она просто расчесала свои прекрасные шелковистые волосы, взяла сумочку и направилась вниз. Ник ждал в холле. Он тоже переделся - на нем был хорошего кроя легкий костюм, галстук серо-жемчужных тонов, светлая грива волос зачесана на пробор налево.

- Нам надо поторапливаться, иначе наш заказ аннулируют. - Он осторожно взял ее за талию и повел через зал, бросив на ходу в гостиную: - Мы ушли.

- Желаю хорошо провести время, - слышался оттуда голос Ральфа.

На подъездной гравийной дорожке их дождался «БМВ» серебристого цвета. С ироничной учтивостью Ник приоткрыл дверцу и помог Рейн сесть.

- Пристегни ремень безопасности, - приказал он ей, усаживаясь за руль.

Рейн даже не шевельнулась в ответ. Не тратя больше слов, Ник сам дотянулся до железной застёжки и защелкнул ее на ней. Прodelывая это, он слегка коснулся груди Рейн.

Она вздрогнула и отвернулась.

- А раньше тебе нравилось, когда я трогал твои груди. - И Ник еще раз, теперь уже намеренно, коснулся ее груди - даже от этого легкого касания соски предательски затвердели. - И, кажется до сих пор нравится...

- Нет! - вскричала Рейн. - Я ненавижу, когда ты прикасаешься ко мне...

- Чуть позже я проверю это суждение, - с ухмылкой отозвался Ник.

Поездка длилась недолго - минут десять, но Рейн, у которой нервы были на взводе, она показалась бесконечной.

Над входом в ресторан горела старинная лампа. Створки окон нижнего этажа были распахнуты навстречу прохладе дивного вечера.

Их столик находился возле окна, на нем горела свеча. Им подали великолепное сухое шерри.

- Что ты предпочтешь? - спросил Ник, принимаясь изучать переплетенное в кожу меню.

- Я, право, не знаю. Заказывай, что сочтешь нужным. - Рейн совсем не хотелось есть.

Ник сделал заказ.

Как только официант удалился, она чуть наклонилась вперед, но Ник опередил ее:

- Сначала поедим, поговорим потом.

Она прикусила губу, с трудом выдерживая его командирский тон, и стала смотреть в окно. Не прошло и нескольких минут, как появился официант, неся заказанные блюда. И еда, и вино оказались первоклассными, но Рейн, совсем лишенная аппетита, съела и выпила очень мало. Осознавая, что Ник не сводит с нее глаз, она прилагала массу усилий, чтобы не смотреть в его сторону.

И так продолжалось, пока не принесли кофе. Прежде чем пригубить его, Ник холодно спросил:

- Ну, что скажешь, Рейн? Несмотря на то что внутри у нее все клокотало, она сделала глубокий вдох и очень спокойно произнесла:

- Мне бы хотелось знать, что за игру ты затеял? После того, как всласть потешился мною, чего хочешь еще?..

- Самое потешное впереди, Рейн! - Он резал, как хирург, по живому и безжалостно. - А что касается игры... Это не игра, никогда в жизни я не был более серьезным, чем сейчас. И

никогда не был более нетерпелив. Мне пришлось слишком долго ждать.

У нее пересохло во рту, и она с трудом выговорила:

- Ждать чего?

- Ждать тебя!

Ее сердце встрепенулось от волнения, но, пытаясь его скрыть, она ответила беззаботным тоном, будто бы по достоинству оценив шутку Ника:

- Не с опозданием ли ты об этом заявляешь?

- А разве что-то изменилось бы, если бы я приехал раньше?

- Ты прав: ничего!

- Вот и я так думал. Последний раз, когда я здесь был, ты сбежала и пряталась, как маленькая трусиха.

Облокотившись на спинку стула, она сухо проговорила:

- Можешь называть меня трусихой, если угодно, но завтра я еду в Лондон и пробуду там до свадьбы. Так что если есть что сказать, то говори сейчас.

- У меня много накопилось, - хмуро пробурчал он, - но прежде всего я должен заметить, что ты никуда не поедешь.

- Никто и ничто не остановит меня! - Слова вылетали у нее изо рта, как теннисные мячики. - Может, ты еще скажешь, что я не выхожу замуж?..

Ты не выходишь замуж, по крайней мере за Кевина.

- Что это значит?

- А то, что в ближайшее время ты расторгнешь помолвку и выйдешь замуж за меня.

' - Ты, должно быть, не в своем уме, если так думаешь! Шесть месяцев назад Кевин сделал мне предложение, и я ответила согласием. Знаю: помолвка мало что значит для тебя, но для меня это торжественное обещание.

- Боюсь, что это обещание будет нарушено.

- Следуя твоему примеру? - (Он стиснул зубы.) - Догадываюсь: ты и Тина так и не поженились... Хотя она просто боготворила тебя... Но наверное, кто-то все-таки раскрыл ей глаза на то, что ты двуличная свинья? Или тебе прискучила ее привязанность и ты преспокойненько перешагнул через нее?..

Глаза Ника потемнели, крепко сжатые губы стали бледными. Он с трудом выговорил:

- Ты не права во всем. Никто ничего не говорил, и я не перешагивал через нее. Мы поженились незадолго до Рождества.

Не в силах оправиться от полученного удара, она пролепетала слабым голосом:

- Н-но если ты уже женат...
- Я вдовец, - сухо отрезал Ник.
- Что? - У нее перехватило дыхание.
- Тина умерла.
- Извини. Мне действительно жаль. Я ничего не знала...
- Конечно, откуда тебе знать, если ты даже не хотела меня выслушать... А я давал тебе такой шанс. Зато теперь будешь делать то, что я скажу. Бее, что я скажу, - повторил он, особо подчеркнув слово «все».
- Но я не смогу разорвать помолвку, Ник! Вот уже три месяца, как мы назначили дату свадьбы. Подготовка идет полным ходом...

Он холодно сказал:

- Это сделает Сомерсби.
- О-о? И каким же образом ты собираешься его принудить?
- Если будет нужно, я расскажу о нас, о том, что произошло между нами...
- И ты думаешь, после твоих откровений он заберет кольцо?

Ник ухмыльнулся.

- А ты так не думаешь?

Ну конечно же! Она знала о взглядах Кевина: никаких сексуальных отношений до свадьбы, его невеста должна быть девственницей.

Рейн молча покусывала нижнюю губу.

- Так что, Рейн? - нарушил молчание Ник. Минуту спустя она ответила:
- Он любит меня.
- Но не глубоко. Полагаю, Сомерсби неспособен на сильные чувства. Он, скорее, одержим идеей заполучить «удобную» жену - красивую, непритязательную, покладистую, которая нарождает ему детей... Твой жених-аристократ - просто холодная рыба, он не имеет ни малейшего представления о том, что такое страсть. Может, будет гуманнее сразу объявить ему, что ты совершила ошибку?

Рейн нервно переплела тонкие пальцы.

- Я не могу... Вернее, не хочу. Даже если помолвка и будет расторгнута, за тебя я не выйду.
- А я думаю, выйдешь, - с легкой беззаботностью произнес Ник.

Холодная волна страха прокатилась по Рейн. Она поежилась, испытывая острое желание резко вскочить и убежать от Ника куда глаза глядят. Однако, постепенно обретая спокойствие, она

поинтересовалась:

- Зачем?

- Затем, что ты любишь своего отца.

- Если ты полагаешь, что я выйду за тебя только потому, что этого хочет отец...

- Нет, потому, что этого хочу я.

- Но я не желаю выходить за тебя! - крикнула она. - Я не симпатизирую тебе...

- Ой ли?! Но даже если это и так, я хочу видеть тебя моей женой.

Преодолевая комок в горле, она выдавила:

- Я не намерена разделить участь Тины.

- Не беспокойся, тебе это не грозит. Ты ведь знаешь, Тина была особенной... - В этот миг до нее дошло: Ник все еще оплакивал умершую жену, а Рейн ему нужна для плотских удовольствий... Он подтвердил ее догадку: - Я хочу тебя в постели. С того самого момента, как мы были вместе, я не могу тебя забыть... Похоже, я околдован, и единственный способ разрушить чары - женитьба, возможность остаться с тобой до тех пор, пока не ослабнет сила заклятий. - Она скептически скривила губы, он же продолжал: - А то, что ты ненавидишь меня... знаешь, это лишь добавит пикантности в наши отношения!..

Рейн ощутила дурноту, внутри все похолодело. Их randevу может закончиться для нее добровольной сдачей в рабство. Ей потребовалось минуты две, чтобы понять, что наступила пора бороться за свою свободу.

Видя ее решимость, Ник хмуро улыбнулся и заметил.

- У тебя, кажется, созрела идея...

- Вот именно, - сказала Рейн. - Давно пора ответить прямо. Я устала от игр!

В это время, перебрасываясь шутками и дружно смеясь, за соседний столик начали усаживаться очередные посетители.

- Я думаю, нам лучше уйти, - заявил Ник и подал знак, чтобы принесли счет. Как только он был оплачен, они покинули ресторан.

Ночь была прекрасной - лунной и звездной. Легкий ветерок колыхал листья тянувшегося по стене плюща и играл с волосами Рейн. Она молча села в машину. Ник, сняв пиджак, бросил его на заднее сиденье и занял место водителя. Ехали в молчании. Когда до дома оставалось около трех миль. Ник резко свернул с шоссе на узкую, петлявшую среди зарослей дорогу и остановился на зеленой лужайке, окруженной высокими деревьями. Выключив фары, он обернулся к Рейн. В полутьме салона она могла различить черты его волевого лица: поблескивающие глаза, выдающиеся скулы, квадратный подбородок с маленькой впадинкой и дерзкий, но чувственный рот...

- К чему такой испуг? - Его голос звучал мягко, иронично...

- Я не напугана, - солгала она, - но я не хочу быть здесь, я хочу домой.

- Нам нужно поговорить, Рейн. Она вскинула голову.
- Хорошо, начинай. Скажи, почему ты думаешь, что можешь принудить меня выйти за тебя замуж?
- Потому, что я могу довести до банкротства твоего отца.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ей захотелось рассмеяться - настолько театрально были произнесены эти слова.

Но при взгляде на серьезное лицо Ника, его поджатые губы она поняла, что он не шутит. В голове Рейн вскачь, словно табун перепуганных коней, пронеслись тревожные мысли. Неужели угроза разорить отца - хорошо выверенная уловка, рассчитанная на ее слабость? Или сведение каких-то старых счетов? Как следует понимать заявление Ника? Ну и попалась же она!..

- Ты думаешь, я шучу? - язвительно спросил он.
- А разве нет? - парировала она с хитрой улыбочкой.
- Предоставляю тебе самой судить обо всем, скажу только: в бизнесе твоего отца лишь благодаря мне что-то еще держится.

Она с недоверием покачала головой.

- Спроси его сама! Хотя я не советовал бы тебе это делать.
- А я и не спешу!
- И причина не та, что ты думаешь...

Ее ладони стали влажными, с волнением в голосе она спросила:

- Сколько отец должен тебе?
- Скажем так: гораздо больше того, что он сможет отдать.

Да нет же, это мало похоже на правду!

Переведя дыхание, она произнесла:

- Я не знала, что дела обстоят так скверно. Ник кивнул головой.
- Твой отец пытался оградить тебя от неприятностей, старался не говорить с тобой на темы бизнеса. Но он уже немолодой человек, с пошатнувшимся здоровьем и...
- С пошатнувшимся здоровьем? - в ужасе переспросила Рейн. - У него что-то с сердцем?
- Нет, конечно же, нет, - поспешно заверил ее Ник.

Его поспешность насторожила Рейн.

- Пожалуйста, Ник, скажи правду, - попросила она.

- Это и есть правда. Поверь мне, нет никаких оснований беспокоиться о здоровье твоего отца. - Для большей убедительности он добавил: - Ты ведь и сама можешь проконсультироваться с его лечащим врачом.

- Я непременно это сделаю. Они помолчали.

- Ты должна знать, - сказал потом Ник, - что я вложил в дело твоего отца столько денег, что теперь фактически владею им.

- Я в это не верю, - прошептала Рейн, - ты лжешь.

В течение всего последнего года она часто видела на лице отца выражение тревоги, но не допускала и мысли, что дела у них обстоят столь плохо... Совсем недавно, когда обсуждались затраты на свадьбу, она задала ему вопрос о состоянии их дел, и отец, как всегда, бодрым тоном произнес:

- Все хорошо. Если ты считаешь, что Кевин именно тот человек, который тебе нужен, ни в чем себя не ограничивай, дочка. Я хочу, чтобы ты выглядела достойно!

Ах, отец! - беззвучно простонала она, как я сожалею...

Теплая ладонь Ника прикоснулась к ее подбородку, он повернул ее лицо к себе.

- Ты все еще думаешь, что я лгу?

- Нет, я склонна поверить тебе. Мне интересно другое: сколь долго ты вынашивал идею принудить меня выйти за тебя замуж?

Хитро улыбнувшись, он предложил:

- Давай лучше ты сама угадаешь это, а?

- С того времени, как отец сообщил тебе о моей помолвке с Кевином и о готовящейся свадьбе?

- Почти угадала. Я не намерен допустить, чтобы ты вышла замуж за кого-то другого. Пусть я применю тактику сильной руки, но ты будешь моей женой! Сомневаешься, Рейн?

Она покачала головой и произнесла:

- Что ж, начинай исполнять свой план захвата, если тебе угодно... Все, что ты получишь, - еще один бизнес. Хотя я и буду с грустью и сожалением наблюдать, как отец теряет все, ради чего трудился...

- Пенсионерам необходима обеспеченная старость.

- Кевин не бедняк, в беде отца не оставит. Послышался легкий смешок.

- Неужели ты думаешь, что Сомерсби станет нести финансовую повинность и оплачивать долги твоего отца, содержать домоправительницу?

Рейн скрежетнула зубами.

- Марту мы не бросим, она неотъемлемая часть нашей семьи.

- Ей к тому же нужно выплачивав пенсию.
- Если я не выйду замуж, то возьму на себя попечительство. Я подыщу хорошую работу и...
- Это должна быть высокооплачиваемая работа.

Реагируя скорее на его тон, чем на слова, она поинтересовалась:

- С какой стати ты об этом заговорил?
- Да потому, Рейн, что тебе нужно будет подыскать еще и место для проживания. Видишь ли, с правами на компанию ко мне переходит и право владения вашим поместьем.

Ее словно парализовало. Когда сознание немного прояснилось, Рейн посмотрела на этого самонадеянного господина в упор и предложила компромисс:

- Допустим, я соглашусь спать с тобой, когда ты захочешь?..

Ник сухо рассмеялся:

- Если ты думаешь, что мне доставит удовольствие каждый раз пробираться в твою комнату тайком, то явно ошибаешься.
- Хорошо, я буду жить с тобой открыто, А это не огорчит твоего отца? С его-то складом характера и представлениями о морали... Ведь ты даже утаила от него события годичной давности...
- Откуда ты знаешь, что я утаила?
- Иначе как объяснить твое бегство и то, что ты где-то пряталась?.. Видя, что происходит, я сам рассказал ему...
- Что?!
- Я сам рассказал ему, - бесстрастно повторил Ник.
- Как ты мог? - Она была в отчаянии. - Ты не имел права это делать.

Ник не согласился:

- Поступить по-другому было бы нечестно.
- Не понимаю.

Он приложил палец к ее губам, как бы останавливая поток сердитых слов.

- Я подумал, что ты могла забеременеть и совершить некую глупость.
- Ты имеешь в виду аборт? Я бы никогда этого не сделала.
- Я не был уверен... Но, будучи занят в Бостоне...
- Своей ненаглядной невестой! - с горечью подхватила Рейн.

Ник стиснул зубы - это свидетельствовало о том, что ее слова нанесли ему сильный удар.

- ...неотложными делами, - продолжил он тем не менее спокойным голосом, - я не мог надолго остаться в Англии. Именно поэтому я обо всем честно рассказал Ральфу. - Затем, будто отвечая на ее немой вопрос, Ник мягко добавил: - Вообще-то он отнесся к этому спокойно. Потом мы вместе выпили, и он рассказал мне о Беатрис... что объяснило многое...

Рейн сидела в оцепенении. Уж ей-то было хорошо известно, что отец никогда и никому не рассказывал о своей любви к младшей сестре. Беатрис не отличалась красотой, но обладала вулканическим характером. Скорее любострастная, чем аморальная, она умерла в девятнадцать лет от неудачного тайного аборта. Глаза Рейн наполнились слезами.

- Поэтому при сложившихся обстоятельствах, - продолжал Ник, - я верю, что ты не дерзнешь огорчить его вторично.

- А если я все же откажусь выйти за тебя?

- Как ты осмеливаешься такое спрашивать?

Она отлично знала: Ник бывает безжалостен, когда дело касается его интересов и желаний. Тут от него можно ожидать всякого.

- А ты не блефуешь? - тем не менее в упор спросила Рейн.

- Я даю тебе шанс, неужели непонятно? - В его голосе звучала сталь.

- Но если я выйду за тебя, что ты сделаешь?

Его губы искривила ухмылка.

- Буду денно и нощно заниматься с тобой любовью, пока...

У нее сжалось сердце, но она нашла в себе силы обронить:

- Я имею в виду отца...

- Коль скоро он станет моим тестем, то вновь обретет право собственности и получит свою долю в бизнесе.

- Очень великодушно, - медленно проговорила она.

- Уверен, ты заслуживаешь такого великодушия, - сардонически парировал Ник.

- И на какой срок ты планируешь женитьбу?

- То есть сколько времени я предполагаю прожить с тобой в браке?.. Знаешь, дорогая, поживем - увидим.

- Это не ответ.

- А что ты хочешь от меня услышать? - гневно спросил он.

- А то, что мне заранее известно: я не нужна тебе как жена. Тобою движет простая похоть...

- А если мною движет, как ты говоришь, любовь?

- Нет! - вскрикнула она. - Ни за что не поверю! - Рейн представила себе Бостон и тот дом, где Ник забавлялся с Тиной... Так о какой же любви он толкует?! - Я хочу быть ближе к отцу, - слабым голосом пролепетала она.

- А кто говорит, что мы будем жить в Штатах?

Она пристально посмотрела на Ника.

- Не понимаю, ты что, планируешь включить Англию в сферу своего активного бизнеса?

- Если все пойдет так, как я планирую, - он снова с нажимом повторил за Рейн, - то, вероятно, я перееду сюда на постоянное жительство. - Затем добавил с каким-то нетерпением: - Мне очень нравится ваше поместье, лишь бы с твоей стороны не было возражений...

Атмосфера их разговора немного разрядилась, однако главный вопрос по-прежнему оставался нерешенным. Рейн все так же претила мысль о воссоединении с человеком, который некогда бессовестно обманул ее.

В душе девушки вновь разлилась волна горького отчаяния. Однажды уже было такое: поверив, что Ник неравнодушен к ней, она нашла себя в его объятиях... И что потом? Если он на самом деле любил ее, то почему женился на другой?..

Какой же у нее выбор?

Глядя через ветровое стекло на листочки, слетевшие на капот, она неторопливо проговорила:

- Мне нужно время, чтобы все обдумать.

- Жду до завтрашнего утра. А пока... - Рейн даже не успела сообразить, что Ник намеревается сделать, как он уже схватил ее за левую руку и быстрым движением сдернул с пальца обручальное кольцо, спрятав его в карман.

- Ты что делаешь? - с возмущением выдохнула она.

- Мне не нравится, что ты носишь обручальное кольцо, подаренное одним мужчиной, а целуешься с другим, то есть со мной. - С хрипотцой в голосе он добавил: - Грех не воспользоваться такой дивной, романтической лунной ночью...

- Не трогай меня! Мне противны твои прикосновения!

- Ты и раньше так говорила, но есть основания в этом усомниться. Тело твое жаждет меня, Рейн! Доказать?

Ничего не нужно было доказывать! Ее сердце уже пустилось вскачь, и сама она затаилась в ожидании сладостных минут близости с Ником.

Но он сидел неподвижно!

Инстинкт самосохранения побуждал Рейн открыть дверцу и бежать, однако воля ее была парализована. И прошлое, и будущее потеряли значение, смысл имело лишь настоящее - ожидание его прикосновений.

Стоило только чуть повернуть голову - и дыхание Ника шевельнуло бы ее локоны, а губы оказались бы на уровне ее шеи...

С усилием выкарабкавшись из пучины страстей, она попросила с дрожью в голосе:

- Отвези меня домой.

Но он, словно бы действуя по сценарию, только что промелькнувшему в ее сознании, отбросил с ее лица завесу из шелковистых черных кудрей и наклонился, чтобы запечатлеть поцелуй на ее шее.

- Нет! Я не хочу! - испуганно воскликнула она.

- Бедняжечка, - ернически произнес Ник, да ты перепугана насмерть!

Резким движением он откинул спинку кресла Рейн назад так, что она оказалась опрокинутой навзничь.

- Ник, пожалуйста, не надо! - взмолилась Рейн.

- Нет причин паниковать, - насмешливо произнес он, - ибо я не представляю, как можно заниматься любовью на переднем сиденье автомобиля. Нам прежде всего будет мешать руль. Да и вообще это не в моем стиле, я же не какой-нибудь насильник... Любить тебя мне хочется в продолжение всей ночи. Чтобы были удобная кровать и длинная увертюра... - Он дотронулся пальцами до ее губ. - Сейчас я только намереваюсь поцеловать тебя.

- Не надо...

Но ее протест не был услышан: Ник наклонился над ней и властно накрыл ее рот своим.

Рейн вся напряглась, сомкнула губы, пытаясь... пытаясь сопротивляться.

Чуть приподняв голову, он страстно прошептал:

- Ну же, разомкни губы и поцелуй меня! Она невольно повиновалась, и на этот раз ее соблазнитель глубоко проник в ее рот, взыскательно блуждая там в поисках наслаждения.

По телу Рейн пробежала чувственная дрожь, и она вспыхнула огнем любви.

Губы Ника ласкали меж тем ее виски, веки, изгиб шеи...

Нежно посасывая, прошлись по подбородку.

Когда они оказались у выемки между двух ключиц, Рейн откликнулась легким постаныванием.

Властная рука Ника проникла в это время под корсаж ее платья в поисках напрягшейся груди Рейн. Она схватила эту руку и прерывающимся голосом прошептала:

- Не надо... это невыносимо...

- Но ты же хочешь, милая, хочешь...

Не таким образом, Ник... совсем не таким... - Где-то в глубине души она уверяла себя, что найдет силы не расслабляться, не позволит обмануть себя, как это случилось год назад, не даст ему шанса покуражиться над ней. Ведь смогла же она держать под контролем чувства Кевина и свои, сумела направить их отношения в спокойное, безмятежное русло. Ник, будто угадав ее мысли, произнес:

- Не глупи, Рейн! Ты боишься самое себя, боишься своих чувств!

Кажется, он прав, подумала Рейн, но не он ли научил ее бояться? Не он ли пренебрег ее чувствами, когда она выпустила их на свободу?.. Что за пытка находиться рядом с ним!.. Какая-то непонятная гордыня разыгралась в ней в эту минуту, и она нарочито грубо ответила:

- А ты за меня не волнуйся! Подожди уж до завтрашнего утра! Думаю, ты получишь вполне исчерпывающий ответ, с должным проявлением к тебе всех моих чувств!..

- В таком случае, подозреваю, мне следует воспользоваться твоей сиюминутной слабостью.

Ник нашел ее губы и яростно припал к ним. Когда он наконец оторвался, Рейн испытала головокружение и озноб. Она едва дышала. Дрожащей рукой девушка дотронулась до своих измученных губ, словно бы желая стереть его поцелуй.

- Гадко, да?

- Ты угадал, - пробурчала Рейн.

Ник рассмеялся и, легонько дотронувшись до ее щеки, произнес:

- Так уж устроено в этом мире: перецелуешься со многими, прежде чем найдешь своего принца.

Почувствовав внутри себя страшную опустошенность, она вымолвила:

- Мне хочется домой.

- Что ж, домой так домой.

Ник поднял спинку ее кресла в вертикальное положение и закрепил его. Потом включил зажигание и, освещая фарами дорогу, стал выбираться на шоссе.

Рейн, по-прежнему опустошенная, откинулась на спинку кресла и тупо смотрела перед собой.

Когда машина остановилась у освещенной луной конюшни, она вздрогнула и выпрямилась. Ник помог ей выйти из машины и проводил до дома. В полудреме она ощутила его крепкое объятие и с удивлением отметила, что оно ей приятно.

Они вошли в дом, и старинные напольные часы в холле пробили двенадцать. Внутри все было залито лунным светом.

Ник, держа руку на талии Рейн, помогал ей подниматься вверх по ступенькам. Когда они дошли до ее комнаты, она порывисто толкнула ногой дверь, но он остановил ее и нежно поцеловал.

- Доброй ночи, Рейн, - ласково сказал он. - Выспись как следует! Утром я буду ждать твоего ответа.

Его смешной приказ: «Выспись как следует!» - отчего-то подействовал на нее успокаивающе. Рейн, механически, как зомби, почистив зубы, рухнула в кровать и провалилась в сон.

Рейн пробуждалась неспешно, неохотно, не понимая, почему так безрадостен пробивающийся через проем гардин искрящийся свет воскресного утра.

Она лежала, уставившись в потолок, и вспоминала предыдущий вечер. Ник... Сколько раз она запрещала себе даже думать о нем, и вот пожалуйста – снова не устояла перед его магнетизмом. Если бы Ник уложил ее во время их уединения на лиственный, освещенный луной ковер, она бы незамедлительно уступила... И ведь он прекрасно знал это. По телу Рейн пробежала дрожь. Ну почему он явился сейчас, когда она с таким трудом восстановила душевное равновесие?..

Бедняга Кевин! Рейн почувствовала, как пелена стыда окутывает ее всю. Как у нее повернется язык меньше чем за месяц до свадьбы сказать ему, что их помолвка – ошибка?

А ведь он любит ее! И каково ему будет узнать всю правду? Ник, она не сомневалась, расскажет Кевину всю подноготную...

Но действительно ли отцу грозит банкротство? Они с Ником хорошо ладят, относятся друг к другу с уважением... Ею овладело сомнение.

Если Ральф почувствует, что она принудила себя выйти замуж за Ника, то прекратит с ним всякие отношения – уж отца-то она знает хорошо! Он не потерпит никаких уступок. Так что же ей делать?

Несколько раз взвесив все «за» и «против», Рейн так и не приблизилась к решению проблемы. Вскочив с кровати, она направилась в ванную, приняла душ и оделась, собрав шелковистые черные волосы в пучок. Потом сделала легкий макияж и остановилась в нерешительности. Нужно наконец принять какое-то решение. Ник ждет ответа. Он теперь владеет и делом, и домом – всем, что принадлежало ей и ее отцу. Может быть, и одежда, которая сейчас на ней, тоже принадлежит ему?.. Неужели все именно так? Предположим, он тщательно срежиссировал весь этот спектакль, рассчитывая на то, что она не станет расспрашивать отца о подробностях. Но правда-то все равно всплывет рано или поздно...

Так и не решив, что же ей предпринять, Рейн вышла из комнаты и стала спускаться по лестнице. Распахнув настежь дверь в ярко освещенную столовую, она обнаружила там отца и обрадовалась: он сидел один и читал воскресную газету, допивая утренний кофе.

Несколько смутившись внезапностью ее появления, Ральф взглянул на дочь поверх очков в роговой оправе и с тревогой спросил:

- Что-нибудь стряслось? У тебя такой вид...

Нет-нет, – успокоила Рейн отца. – Просто мне хотелось побыстрее узнать, проснулся ли ты.

- Проснулся ли я? Конечно, проснулся, ведь уже одиннадцатый час. – Ральф отложил газету, снял очки и, дотянувшись до кофейника, снова наполнил свою чашку. – Ты, должно быть, поздно вчера вернулась?

- Да... да, мы вернулись поздно. – Она села за стол рядом с ним.

- Хорошо провели вечер?

- Весьма, – нехотя выдавила она.

- Я рад, что вы наконец-то поладили с Ником. Честно говоря, твое нежелание общаться с ним мне всегда не нравилось, и когда Ник сказал, что хочет лично переговорить с тобой... – Он помедлил и затем осторожно спросил: – Вы достигли... взаимопонимания?

- В чем?

На лице Ральфа отразилось смятение. С минуту поколебавшись, он произнес:

- Ну... кажется, у Ника было намерение обсудить какие-то планы.

Планы! Знал бы он, что это за планы...

- Отец, - Рейн с трудом сдерживала волнение, - мне нужно кое о чем спросить тебя... и, пожалуйста, не криви душой, отвечай прямо, хорошо?

- Валяй, спрашивай.

- Скажи, сколь успешно шли наши дела за последний год?

Он отвел глаза в сторону.

- Вынужден сообщить, не очень, но ты не ломай над этим голову. Сейчас все нормализуется. Ник пожелал сделать вложение в фирму...

Будто железные обручи сдавили ее грудь, не давая вздохнуть. Рейн осторожно спросила:

- На какую сумму?

Ральф, сконфузившись, ответил:

- Надо признаться, на весьма изрядную... - (Так, значит, Ник не блефует!) - Кстати, это одна из причин, побудивших меня пригласить его сюда и предложить взять бразды правления в свои руки, - продолжал отец. - Я думаю, хорошо, когда капитал останется в семье.

- Ожидала это услышать. - Рейн вскинула голову и улыбнулась, - В прошлый вечер Ник предложил мне выйти за него замуж, и я решила принять предложение.

- Ну что ж, я рад! - На лице Ральфа читалось удовлетворение.

- Однако все это так внезапно... - Улыбка Рейн потускнела. - Ума не приложу, как мне сказать Кевину, что наша помолвка - ошибка.

Отец участливо похлопал дочь по руке:

- Лучше с самого начала признать это, чем длить обман.

- Тебе никогда не нравился Кевин, да?

- Просто я всегда полагал, что этот мужчина тебе не пара.

- А Ник пара?

- А разве нет? Хотя понадобилось немало времени, чтобы ты разобралась в своих чувствах. - (Эх, папа, если бы ты знал! - беззвучно воскликнула Рейн.) - Зато что касается меня, то я с гордостью назову его своим зятем...

- Отец, - нетерпеливо перебила она, - ты знал, что он был женат?

- Разумеется...

По счастливой случайности Рейн взглянула в это мгновение в окно и увидела Ника, который в сопровождении Калиба шел навстречу Кевину. Сорвавшись со стула, она опрометью бросилась на улицу.

В легких летних брюках и белой рубашке Ник выглядел великолепно, чего не скажешь о Кевине: тот был одет в строгий костюм из твида. На шее у него висел шерстяной галстук.

Рейн подлетела как раз вовремя: мужчины только что обменялись приветствиями. Кевин повернулся к ней, его гладко выбритое лицо выражая обеспокоенность. Он привлек Рейн к себе и на правах жениха заключил ее в объятия и поцеловал.

Видя, каким недобрым блеском сверкнули глаза Ника, она поспешно произнесла:

- Кевин, мне нужно поговорить с тобой. - Потом, быстро взглянув еще раз на Ника, добавила: - Наедине.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ухватив Кевина за рукав, Рейн потащила его к дому. В гостиной, к счастью, никого не было. Она плотно закрыла дверь и жестом указала ему на кресло перед камином, в котором лежали поленья. Сама села напротив.

Кевин, слегка нахмурившись от непонимания причины ее порывистых действий, спросил:

- Что-нибудь стряслось?

- Нет... Да... - Затем, как бы приободрившись, она произнесла: - Я должна сказать тебе, что не могу выйти за тебя замуж.

Он спокойно, ничуть не смутившись заявлением Рейн (словно она заявила, что ей не нравится его галстук), взглянул на нее.

- Я не могу выйти за тебя замуж, - повторила она более взволнованно.

Не глупи! - будто укоряя шалунью, произнес Кевин. - Что бы ни смутило тебя, я сумею все уладить.

Рейн отрицательно мотнула головой.

- Нет, я...

Благодушное выражение лица Кевина сменилось напряженным.

- Здесь каким-то образом замешан твой кузен, да? Я сразу почувствовал: он - источник беды.

- С Ником это никак не связано, - солгала Рейн. - Просто я поняла, что наш брак будет ошибкой.

Теперь напряжение на его лице сменилось облегчением.

- Ах вон что. Ну, это просто предсвадебная лихорадка... Пройдет. - Кевин произнес эти слова уверенно, как врач, ни на минуту не сомневающийся в диагнозе. - Все так и должно быть, матушка предупреждала меня. Многие невесты перед свадьбой очень волнуются, срываются.

Через день-другой ты придешь в себя и тогда...

- Это не предсвадебное волнение! - настойчиво прервала его Рейн. - Мне действительно жаль, но я не могу выйти за тебя.

- В самом деле?.. - Он снял очки, протер их безупречно чистым носовым платком и водрузил обратно. - Значит, ты обеспокоена... физической стороной вопроса?

- Совсем нет, - ответила Рейн, покраснев.

Замешательство овладело Кевином, однако он не отступал:

- Ты прекрасно знаешь, что это не имеет для меня никакого значения...

- Да нет, все не то! - Видя, что Кевин собирается прервать ее в очередной раз, Рейн поспешила объяснить: - Просто я сейчас поняла, что наша помолвка была ошибкой. Мы действительно не подходим друг другу, и я вряд ли когда-нибудь стану хорошей женой.

Обеспокоенный, но все еще отказывающийся верить в серьезность ее тона, он отрицательно помотал головой.

- Нет, ты так не думаешь. До вчерашнего дня все шло...

- Думаю! Я не могу выйти за тебя замуж, Кевин.

Его лицо искривилось, будто от внезапной боли. Не мигая, он смотрел на нее. Она жалобно проямлила:

- Я об одном сожалею: понадобилось слишком много времени, чтобы это понять.

- Но ведь уже разосланы приглашения, - взволнованно произнес Кевин. Его уши стали краснеть, глаза панически забегали. - Это невозможно! Твое решение сумасбродно!

Мысленно проклиная Ника, Рейн прошептала:

- Я очень сожалею...

На это он истерически выкрикнул:

- Но что скажет мама? Лорейн, я тебя умоляю...

Я правда очень сожалею, но я... я не могу изменить решение.

С побагровевшим лицом Кевин продолжал:

- Нет! Ты не можешь так поступить со мной! Твои сожаления мне слишком дорого обойдутся - я стану посмешищем для всех!

- Я не хотела причинить тебе боль.

- Если это так, то ты сейчас же заберешь свои слова обратно и начнешь спокойно готовиться к свадьбе. Матушка не должна об этом ничего знать.

Я не могу выйти за тебя, - повторила Рейн.

- Но почему, скажи на милость? - недоумевал Кевин. - Что я такого сделал, чтобы ты поступила со мной подобным образом?..

- Ничего не сделал. Во всем только моя вина.

- Тогда отбрось сомнения. Какая бы проблема перед тобой ни стояла, я уверен, что смогу ее решить.

Казалось, они целую вечность ходят по одному и тому же кругу. Кевин все больше распалялся, а итог был прежним - отказ.

Рейн едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться от осознания своего ничтожества и от терзающих душу укоров совести. Да, она поступает вероломно, и за это ей не избежать наказания! Тому, как она обошлась с Кевином, нет оправдания!

Вдруг в дверном проеме возник Ник. У его ног ластился кот. Вошедший метнул быстрый взгляд на Рейн, пытаясь с ходу оценить ситуацию.

- У тебя проблемы, сладкая моя? - пропел он медовым голосом. Взъярившись от такой беспардонности, Кевин выкрикнул:

- Разве вы не видите, что мы разговариваем? Кто давал вам право вторгаться сюда?

Рейн, боясь, что между мужчинами может вспыхнуть перепалка, обратилась к Нику:

- Пожалуйста, оставь нас одних!

Он сделал вид, будто не слышит ее просьбу, и, вальяжно пройдясь по комнате, остановился прямо перед Кевином.

Оба - высокого роста, причем Ник казался выше своего соперника и был лучше сложен. Не в силах долее выносить это противостояние, Рейн соскочила с кресла и суетливо захлопотала вокруг них.

Кевин пристально посмотрел на Ника и процедил сквозь зубы:

- Поскольку этот разговор не имеет к вам никакого отношения, соблаговолите выйти вон!..

Извини, старина, но как раз таки все здесь происходящее имеет ко мне самое прямое отношение, - слегка подтрунивая над незадачливым женихом, ответил Ник.

- Я вам не верю. Лорейн сказала...

- Она, вероятно, просто шадит твои чувства, - отрезал Ник. Затем добавил: - Тебе бы лучше забрать вот это. - Он достал из кармана брюк маленький сверкающий предмет.

Кевин взял с его ладони обручальное кольцо с бриллиантом.

Повернувшись к Рейн, Ник резко схватил ее за руку, притянул к себе и требовательно произнес:

- Скажи ему!

Она с усилием выдавила:

- Я намерена выйти за Ника. Воцарилась полная тишина. Прозвучавшие слова повисли в воздухе. Затем, не говоря ни слова, Кевин опустил кольцо к себе в карман и направился к двери.

Кот последовал за ним, но Кевин изловчился и свирепо пнул животное, отбросив в сторону. За этим последовал резкий хлопок двери.

Ник легонько присвистнул:

- Ну и характер!

- Его не за что осуждать, - вступилась Рейн, - ты поступил бы резче, если бы тебе наплевали в душу! - Она закрыла лицо руками. - Я, должно быть, жестоко ранила его. Моему поступку нет оправдания!

Со скепсисом в голосе Ник спросил у нее:

- А сколько раз за все это время он произнес слово любовь! - (Ответом было молчание.) - Тогда, будем считать, пострадала только гордыня. И хватит убиваться из-за Сомерсби! Ты будешь моей женой. Обо всем, что было с Кевином, попытайся забыть.

- Забыть? - Она истерически рассмеялась. - Ты, похоже, издеваешься надо мной?.. Да я буду помнить об этом каждую минуту, каждый час... И, помня, стану ненавидеть тебя. - Рейн испугалась собственных слов. Что это с нею? Совсем забыла об осторожности...

- Особенно возненавидишь, когда окажешься со мной в постели, - ухмыльнувшись, сказал он.

- Какой же ты циник! - По всему телу Рейн пробежала дрожь, она поежилась.

Свадьба была назначена на последний день октября, венчание должно было состояться в маленькой церквушке в Лопсли. Всю церемонию планировали провести довольно скромно: после венчания - свадебный стол, за которым будут присутствовать несколько соседей и обслуга из поместья.

Финн Андерсон - друг и коллега Ника, - прервав деловую поездку, присутствовал на церемонии венчания в качестве шафера, подружкой невесты была Марго Флемминг - с ней Рейн училась в свое время в одном классе.

Кандидатура Марго чуть раньше была отвергнута леди Сомерсби: девушка слегка прихрамывала (последствие падения в детстве с лошади), зато теперь пришлась кстати. Рейн любила Марго. Правда, вначале она вообще хотела обойтись без свидетельницы, но отец очень огорчился, когда Рейн сказала ему об этом, и предложил:

- Попроси мисс Флемминг - думаю, она в любую минуту готова доказать, как дорожит ва - шей дружбой...

- К чему мне свидетельница? Белоснежную фату я все равно не надену... Простенький костюмчик, и все - никаких излишеств...

- Да ты лучше надень на себя вериги и посыпь голову пеплом, - предложил Ник с издевкой.

- К тому же, если бы регистрация проходила в мэрии... - продолжала Рейн, словно бы не замечая его ерничанья.

- А кто против мэрии?

- Но ведь ты уже был женат.

Я не разведен. Я - вдовец. Вдовец. Бедная Тина, подумала Рейн, что явилось истинной причиной ее смерти?..

- Нет-нет, - замахала она руками, - меня вполне устраивает венчание в деревенской церквушке!

Ник оборвал ее:

- Это твоя первая свадьба, поэтому прими во внимание чувства отца. Хотя бы ради приличия я настаиваю на традиционном свадебном обряде: пусть звучит органная музыка, пусть будут море цветов и невеста в белом платье с фатой... Хотя вместо белого платья можно и кремовое, - сардонически добавил он и с довольным видом наблюдал, как она вся залилась краской. Дело в том, что леди Сомерсби категорически настаивала в свое время именно на белом платье и, не в силах спорить, Рейн уступила ей.

Видимо, и на сей раз придется сделать так, как хотел в первую очередь отец: он настаивал на торжественной церемонии венчания.

Дни, предшествующие этому событию, были сущим кошмаром. Вопреки совету Ника: «Ничего никому не объясняй, ни перед кем не извиняйся» - Рейн созвонилась со всеми, кто был приглашен на помолвку с Кевином, и объяснила, что та не состоится, и вернула все полученные подарки на свое имя и Кевина.

Она также послала открытку Кевиному и его матери с просьбой простить ее и заверениями в том, что всю постыдную вину за происшедшее она берет на себя. К этому она приложила чек на значительную сумму - на покрытие расходов, связанных с предварительными заказами.

В ответ леди Сомерсби написала, что поведение Рейн «аморально»: за спиной Кевина она «играла в любовные игры со своим кузеном!» «Моему сыну просто повезло, - заключила леди Сомерсби, - он избежал катастрофы». Под «катастрофой» подразумевалась свадьба.

Припоминая, как она вела себя в машине Ника, Рейн не могла не признать справедливость этих упреков. Тот же, прочитав письмо, кисло сморщился, пробурчал какое-то ругательство и предал послание огню.

С того ужасного воскресенья, когда произошло объяснение с Кевином, Рейн мало виделась с Ником, Казалось, он намеренно избегал ее. Они съездили в город за обручальным кольцом с изумрудом, вместе посетили викария. Во время этих встреч он относился с ней к каким-то отстраненным почтением, редко дотрагивался до нее и никогда не целовал. Только в присутствии Ральфа Ник выказывал ей знаки внимания.

Мужчины часто засиживались допоздна, играя в шахматы. Отец Рейн иногда упрекал своего будущего зятя за то, что тот слишком много времени проводит в офисе, но Ник всегда находил оправдательный ответ: «Надо держать руку на пульсе, тем более что впереди у нас медовый месяц, когда я вряд ли смогу уделять делу достаточно внимания...»

Рейн категорически противилась свадебному путешествию, однако Ник и на этот раз отреагировал достаточно убедительно.

- Ты что, хочешь, чтобы твой отец заподозрил что-то неладное?..
- Нет, конечно, не хочу, - произнесла она и закусила губу.
- Тогда что предпочтешь? Францию? Италию? Швейцарию, наконец?

Она пожала плечами:

- Почему бы тебе самому не решить?
- Мне хотелось бы учесть твоё пожелание...
- Поверь, мне совершенно все равно, лишь бы не Париж. - (Потому что в Париж она собиралась отправиться с Кевином.) Может, Барбадос? Или Сейшельские острова? ' Повторяю, мне все равно.

В этот момент в комнату вошел отец и, видимо уловив напряженность, вкрадчиво спросил:

- Я не помешал вашему разговору?
- Совсем нет. - Теплой ладонью Ник дотронулся до затылка Рейн, и его пальцы скользнули по нему легким, массирующим движением. - Я как раз пытаюсь выяснить у будущей жены, где бы она хотела провести медовый месяц.

Силясь не задрожать от его прикосновений, она деланно улыбнулась:

- А почему бы тебе не удивить меня?

Шаловливые искорки блеснули в глазах Ника, и он весело произнес:

- Я готов предложить нечто оригинальное! Все рассмеялись и перевели разговор на другую тему - о самочувствии Ральфа. Он в последнее время выглядел помолодевшим, его лицо так и светилось счастьем. Результаты последнего обследования показали, что давление у Ральфа стабилизировалось и проблемы с сердцем не стояли теперь так остро, как раньше. Да к тому же и семейный доктор не без удовольствия отметил, что его пациент находится сейчас в гораздо лучшей, чем прежде, форме. Рейн, безусловно, все это радовало.

Итак, щекотливый вопрос о медовом месяце был снова обойден, и она надеялась, что Ник вообще передумает куда бы то ни было ехать. Наутро он опять ничего не сказал по этому вопросу, и Рейн вздохнула с облегчением: по-видимому, ее будущий муж отказался от поездки. День, на который была назначена свадьба, выдался ясным, солнечным, с утра чувствовался легкий холодок, но потом стало по-летнему тепло.

Сразу после завтрака прибыла Марго Флемминг. Девушка принесла с собой коробку, в которой находился свадебный наряд невесты. Весь вид Марго: покрасневшее лицо, широко распахнутые глаза, разметавшиеся волосы - выказывал нетерпение.

- Ну, закончили завтракать?

Да я, в общем-то, и не очень голодна, сказала Рейн - последние дни она совершенно лишилась аппетита.

- Тогда не будем терять время, начнем наряжаться. - (Надо отметить, что Марго приняла самое непосредственное участие в покупке свадебного наряда Рейн, она сопровождала ее в

поездке по магазинам.) – Сегодня и для меня счастливый день, я ужасно рада, что все так обернулось, – тараторила Марго. – Ник очень привлекательный, он образец настоящего мужчины... И такой сексапильный... – певуче добавила подруга. Заметив, что Рейн покраснела, Марго продолжила: – Я никогда не могла понять, что такого ты нашла в Кевине. Хорош собой? Ну, это на любителя... Да и в остальном... Одна его матушка чего стоит! Так что ты еще должна благодарить Всевышнего...

– Да, затея была не из лучших...

– Я думаю, ты увлеклась Кевином просто от безысходности. – И Марго уточнила: – Ник ведь не выходил из твоей головы, правда? Когда ты в прошлом году вернулась из Штатов, я могла поклясться чем угодно, что с тобой произошло что-то судьбоносное, хотя на этот счет ты не очень-то и распространялась...

Рейн позволила Марго делиться своими умозаключениями и дальше – сама она в основном молчала. Бледная и отрешенная стояла она посреди своей спальни, а Марго хлопотала вокруг нее, не умолкая ни на минуту. И вот уже на ней свадебное платье, на голове – простенький веночек, фата. Украшений никаких, кроме колечка с изумрудом, которое она по совету Марго, надела на палец правой руки.

В это время послышался звук мотора автомобиля, и Марго стремглав бросилась к окну.

– Наилучший из мужчин и его шафер уже уезжают, – доложила она. – Тебе не следует смотреть. Плохая примета – видеть своего суженого до того, как войдешь под своды церкви... Ой, до чего же хорош! Насколько мне известно, мистер Андерсон припожаловал к нам из Бостона? Его жена приехала с ним?

– Нет. Я не думаю, что он женат, – ответила Рейн, будто очнувшись от забытья.

Глаза Марго загорелись любопытством.

– А долго он здесь собирается пробыть?

На Финна Андерсона нельзя было не обратить внимание. Темноволосый, с карими глазами и правильными чертами лица. Весьма учтивый в общении. Он приехал вчера вечером. Его рукопожатие было теплым, и хотя они с Рейн виделись впервые, его улыбка показалась ей очень знакомой. Да, такой человек не может не вызывать к себе симпатию...

– Кажется, он улетает обратно в Штаты завтра в полдень.

Марго глубоко вздохнула.

– Жаль. Не считая твоего Ника, это один из самых интересных мужчин, которых я вообще когда-либо видела. Ну да ладно... – Марго сунула в руку Рейн маленький букетик из роз и произнесла: – Пойду и я прихорашиваться. Не забудь опустить вуаль, – бросила она уже в дверях.

Когда подруга ушла, Рейн пристально посмотрела на свое отражение в зеркале – перед ней была испуганная незнакомка с очень бледным лицом.

Венчание... Здесь, и совсем скоро.

Послышался стук в дверь. Вошел Ральф, облаченный в светло-серый костюм с белой гвоздикой

в петлице.

Взяв дочь за руки, он посмотрел на нее как-то загадочно и с чувством произнес:

- Благословляю тебя... Ты сегодня так похожа на свою мать и столь же прекрасна!

Рейн слышала эти слова будто сквозь туман.

- Что? - еле слышно вымолвила она, а потом торопливо произнесла: - Извини, отец, я задумалась... И вообще я очень нервничаю...

- Как бы ты ни нервничала, но пора уже ехать. - Он вдруг посерьезнел и спросил: - А может, все отменим? Пока не поздно... - (О чем это он? Она отрицательно мотнула головой.) - Ты любишь Ника, да?

Рейн утвердительно кивнула.

- Да, я люблю его. И не переставала любить...

Наконец она хоть в чем-то искренна перед собой! Хотя произнести это оказалось не просто...

- Благодарю Господа! - выдохнул Ральф и твердо добавил: - А коли так, то все сладится!..

Рейн, потянувшись к отцу, поцеловала его в щеку, затем опустила тонкую вуаль и сказала:

- Надеюсь, что сладится. И мне приятно сознавать, что я похожа на маму...

В церкви было много цветов и торжественной музыки. Приглашенные на церемонию гости пришли в самых лучших своих нарядах.

Рейн, как только вошла, сразу же заметила своего жениха. Ник был обворожительно красив в элегантном костюме темно-серого цвета с белой гвоздикой в петлице. Он тоже увидел их с Ральфом и направился к ним. Подойдя, легонько привлек Рейн к себе. Его лицо сияло.

Когда началась церемония венчания, в церкви воцарилась тишина. Священнослужитель торжественно провозгласил начальные фразы брачного обета и строгим голосом произнес, обращаясь к Нику:

- Хочешь ли ты взять в жены эту женщину на законном основании?..

Будто во сне, Рейн услышала, как Ник произнес твердым голосом: - Да.

- Хочешь ли ты взять в мужья?..

У меня нет иного выбора... Мне нужно пройти через это ради отца, хотела она сказать. Но вместо этого подняла голову и четко выговорила:

- Да!

Если бы все сложилось по-другому!.. Если бы Ник проявил к ней больше участия... Ей, возможно, было бы веселее в этот свадебный день...

Надев на ее палец кольцо, он откинул вуаль и поцеловал Рейн.

Потом они вышли на яркое солнце, и откуда ни возьмись возник фотограф и стал запечатлевать свадебную процессию, которая медленно двигалась к кортежу машин.

Дальше все разворачивалось просто стремительно: пять минут – и вереница авто уже ехала вверх по брусчатке мимо здания городской ратуши в сторону старинной харчевни под названием «Летящий скакун».

Чета новобрачных и приглашенные проследовали в небольшой банкетный зал. Их взору предстало тесное помещение с перекрытием на потолке из почерневших от времени балок. На полу лежал ярко-алый ковер, на который лился свет сквозь стрельчатые витражные окна. Столы были накрыты, шампанское охлаждалось.

Финн Андерсон на правах шафера предложил всем занять свои места. Марго старалась не отставать от него и, мило всем улыбаясь, успешно выступала в роли хозяйки. Наконец все чинно расселись, невеста и жених – поближе к камину. Они почти не разговаривали Рейн пригубила шампанское в надежде, что напиток придаст ей веселости, – сейчас девушке совсем не хотелось омрачать себя думами о грядущем, о будущей ночи...

При мысли о неотвратимой физической близости с Ником Рейн поежилась. И выпила еще шампанского – теперь она осушила бокал до дна. Очень скоро она почувствовала себя раскованней. Ник принудил меня выйти за него замуж, но это совсем не означает, что я должна спать с ним, думала Рейн. Если его удастся убедить (в чем?) и всем поведением показать (а надо ли?), как ей неприятна близость (раньше была желанна!), то, вероятно, он не станет изображать из себя насильника... Ой ли, не станет?! Ну, во всяком случае, не станет же он насиловать свою жену (размечталась!)...

Ник, без сомнения, ожидает быстрой победы – ишь какой быстроход! А выйдет осечка... Да-да, надо только по-умному сопротивляться... И все время быть начеку. А это так нелегко... Сможет ли она преодолеть его магнетизм?..

- Ты совсем ничего не ешь, – услышала Рейн прямо у себя над ухом голос Ника.

- И что же? – развязно и дерзко спросила она, потом добавила: – Я не голодна!

Тут к ним подлетела Марта.

- Вы так дивно смотрите! – восхищенно произнесла домоправительница. – Ваш отец справедливо вами гордится!

Ральф оказался легок на помине, он подошел к Марте, обнял ее за плечи и увлек за собой к остальным гостям.

- Еще шампанского? – перед молодоженами остановился Финн Андерсон, державший в руке бутылку.

- Думаю, нам достаточно, – ответил за двоих Ник, – у нас мало времени.

- Почему это «у нас мало времени»? – недоуменно вскинула брови Рейн, когда Финн отвернулся, чтобы наполнить ее бокал.

- Потому, что нам предстоит путешествие... Ведь начинается медовый месяц, разве забыла?

Это что, вызов?

- Боюсь, ничего не выйдет... Видишь ли, я не уложила вещи...

- Марта уже все приготовила. Твой саквояж давно лежит в багажнике ожидающего нас такси. Она также предусмотрела твой дорожный туалет. В комнатке, сразу налево по коридору, ты можешь переодеться. - Видя, что Рейн замерла от неожиданности, он вынул у нее из рук бокал и, улыбаясь, предложил: - Если хочешь, я помогу тебе освободиться от этого платья...

Нет! - Ее храбрость, подогретая шампанским, мгновенно улетучилась. Рейн обеспокоенно окинула взглядом помещение: Марго и Финн о чем-то мило ворковали. - Я сама переоденусь.

- Сомневаюсь, - возразил Ник. Отодвинув подальше пустые бокалы, он бережно взял у нее свадебный букетик и решительно повел ее из зала. Они вошли в небольшую, без окон, комнату, в которой, когда Ник включил свет, увидели длинный узкий обеденный стол, окруженный стульями. Видимо, это был зал для встреч в узком кругу при свечах. Притворив дверь, Ник медленно повернул большой старомодный ключ.

- Что ты делаешь? - спросила Рейн необычайно высоким голосом.

- Соблюдаю предосторожность. Вдруг кто ненароком вломится сюда, пока ты будешь переодеваться. А ты, наверное, подумала, что сейчас я повалю тебя на этот стол и стану насилловать? Да? И чего, собственно, ты испугалась, Рейн? Девственность ты уже потеряла... благодаря мне...

- Ты долго ждал, чтобы напомнить мне об этом, - зло проговорила она.

Он шагнул к ней.

Она съежилась и выжидательно смотрела на него.

- Разве тебе не ясно, что твое поведение подстрекает к насилию?

Рейн вздрогнула. О нет! Она не может дать себя в обиду!

Ник сделал еще шаг, его лицо было совсем близко, рот - буквально в нескольких сантиметрах от ее рта. Сердце Рейн неистово заколотилось, поднимая жар в крови. Она готова была сопротивляться, но тело, тело предательски жаждало совсем другого...

- Ну что, моя нежная, строптивая жена? улыбаясь, спросил он.

Она вся напряглась. Если Ник попытается, как прежде, начать любовные игры, она вряд ли сможет устоять...

- Я думаю, что, следуя своему правилу не спешить, ты не станешь торопить события, - осторожно произнесла она.

- Ну, я могу делать и исключения...

- Лучше не надо, Ник! - (Как бы ей выскользнуть из этого щекотливого положения?) - Ты, кажется, сулил мне удобную кровать и... - Отчаянно припоминая, что он там еще наобещал, Рейн замешкалась.

Зато он договорил:

- ...и длительное, неспешное соитие... Что ж, хорошо. Если ты хочешь именно так, подождем...

А сейчас повернись-ка спиной!

Сняв с ее головы фату, Ник бросил ее на стол, затем начал проворно расстегивать нескончаемую череду мелких пуговичек на платье. Наконец оно с шуршанием упало на пол. Она стояла перед ним в бюстгальтере и тоненьких трусиках – такая незащищенная. Ник наклонился и коснулся губами ее позвоночника, а потом совершил медленное восхождение по нему легкими поцелуями.

Его действия были немисливо эротическими, по телу Рейн пробежали мурашки. Притянув ее к себе, он обхватил ладонями ее маленькие упругие груди.

Рейн исторгла глухой стон.

Ощущая подступающее желание, она закрыла глаза. Хорошо, что Ник не видит ее лицо, но вот он развернул ее как раз лицом к себе, и теперь ей оставалось лишь беспомощно ждать поцелуя.

Однако Ник не спешил. Он рассматривал Рейн: широкий разлет ее бровей, бархат ресниц, лебединый изгиб шеи... Затем он протянул ей руку и помог выбраться из шуршащих складок шелка.

Маленький саквояж со всей необходимой одеждой в дорогу стоял на стуле. Пока Ник поднимал платье и аккуратно складывал его, Рейн поспешно натянула костюм из тонкой шерсти изумрудно-зеленого цвета, который замечательно гармонировал с красивой блузкой. Коричневые кожаные туфли и сумка через плечо дополнили ансамбль.

- Ну что, готова? - с улыбкой спросил Ник.

Она робко полюбопытствовала:

- Куда мы едем?

- В аэропорт.

- А потом?

- Летим в Бостон.

О Боже, ей предстояло окунуться горькие воспоминания! Она вновь окажется в том самом месте, где испытала однажды горечь обмана!.. Похоже, больнее ранить Ник не мог...

Она процедила сквозь зубы:

- У меня нет при себе паспорта. - Затем с затаенной надеждой, что поездка сорвется, добавила: - Я даже не знаю, где он может быть...

Но Ник невозмутимо-спокойно сообщил:

- Твой паспорт у меня. Единственное, что требуется от тебя, это взять букетик и изобразить из себя счастливейшую из невест. - И он открыл перед нею дверь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Дальше события развивались в еще более ускоренном темпе: она расцеловала отца, Ник пожал

ему руку, они попрощались с гостями и под дождем из риса и лепестков роз прошли по старинной брусчатке к ожидавшему их такси.

Рейн задержалась на мгновение, чтобы бросить букет Марго, затем Ник помог ей сесть на заднее сиденье машины, и они тронулись, приветливо махая остающейся группе людей, освещенных ярким октябрьским солнцем.

Коль скоро время притворства прошло, то тут же спал и флер беспредельного счастья – Рейн знала, что ее брак с Ником не будет безоблачным. Худшим для нее было то, что ее неудержимо влекло к этому человеку. Человеку, который совсем не уважал ее чувства – только похоть двигала им. Как можно сохранить брак, зиждущийся лишь на такой вот основе? Ощущение стыда и приниженности, испытанное Рейн в момент их первой встречи, было свежо еще до сих пор. Но если вы заходите в камеру пыток и даете согласие подвергнуться истязаниям, вам не пристало жаловаться на боль, с грустью подумала она.

Ник дотянулся до ее руки. Когда она попыталась отстраниться, он лишь крепче стиснул пальцы.

– Послушай, Рейн, сейчас мы – муж и жена, и нам надо стремиться к улучшению наших отношений.

– Должно быть, ты шутишь! Тебе не кажется, что это равносильно тому, как если бы невинного приговорили к дыбе и посоветовали хорошо провести время?..

Он устало произнес:

– К чему такие крайности? Ты прекрасно знаешь, что мы вполне можем быть счастливы. Нам приятно вдвоем, мы сходимся во вкусах, и в сексуальном плане мы на равных. К чему возводить искусственные преграды?

Рейн бросало то в жар, то в холод, она едва слышала, что он говорит. Внутри у нее все клокотало. Если Ник думает, что она кукла для сексуальных игр, то глубоко ошибается!..

А он тем временем продолжал:

– Что же до остального, то нам просто нужно находить разумный компромисс, обнаруживать обоюдную готовность уступать друг другу и жить в мире. – Он сильно сжал ее руку и ласково закончил: – Почему бы нам не заключить перемирие, а?

Когда Ник взглянул на нее, ища безусловной поддержки, она почувствовала, что готова с ним согласиться. Пора позабыть о пережитых страданиях и найти в этом браке хоть какое-то подобие счастья!

Но можно ли найти счастье с человеком заносчивым и себялюбивым?

Которому нужно во всем потакать?

– А разве такое возможно? – Она отдернула руку.

Он вздохнул:

– Думаю, да. Если бы, конечно, ты перестала воевать со мною...

– Ага, ты ждешь от меня послушания? Нет уж, благодарствуйте! Я предпочту сражаться!

Его лицо словно окаменело.

- Тогда я гарантирую свою победу.

Так между ними были выстроены боевые редуты.

Самолет на Бостон вылетел без задержки, и Рейн, утомленная суетой дня, была рада наступившим минутам отдыха.

Ник, по-видимому, после разговора в такси решил оставить ее в покое на некоторое время. Он увлеченно рассматривал журнал, купленный в аэропорту перед полетом.

Обстановка в салоне самолета была самой дружелюбной. Стюардесса предложила пассажирам перекусить, но Рейн так и не смогла ни к чему притронуться – напряжение все еще не отпускало ее.

Полет проходил нормально, и вскоре самолет пошел на снижение. Рейн увидела в иллюминатор огоньки Бостона, рассыпанные, словно бриллианты на ковре.

В бостонском аэропорту Ник вызвал такси и, когда машина прибыла, помог Рейн сесть в нее. Усаживаясь рядом, он невольно коснулся ее бедром. Она отодвинулась. В полумраке салона легко было разглядеть, как Ник недовольно поджал губы. Но, не проронив ни слова, он лишь с силой захлопнул дверцу.

Бостон Рейн нравился. Видя мелькающие за окном автомобиля здания, она чувствовала, что начинает испытывать радость от новой встречи с этим городом. Если бы только не было тех горестных переживаний!..

Увы, забыть о них невозможно.

Когда такси подъехало к площади Макленбург, она сразу же узнала дом Ника. У входа все так же горел желтый фонарь. Да, все как в прошлый раз, и вот сейчас должен появиться... дядюшка.

Но появилась миссис Эсплинг, опрятно одетая женщина средних лет с приятным лицом и воздушной копной волос. Она радостно встретила приехавших. Пока Ник расплачивался с таксистом и вынимал вещи из багажника, домоправительница предложила Рейн пройти в холл.

- Рада снова видеть вас, мисс Марлоу... Ах, извините, миссис Марлоу!

- Я тоже. Хотелось бы, чтоб возвращение сюда было более приятным, чем раньше, – ответила Рейн.

- Мы с восторгом узнали о свадьбе, и я от имени всех, кто служит в доме, выражаю вам самые лучшие пожелания.

- Благодарю.

- Перелет не очень утомил вас? – спросила домоправительница и тут же пояснила свой вопрос:
- Вы выглядите довольно усталой.

Рейн действительно чувствовала себя не лучшим образом: голова раскалывалась, ноги гудели.

- Да, я и в самом деле немного устала, – вынуждена была признаться она.

- Не хотите ли пройти прямо наверх?

- Пожалуй, так и сделаю.

- Тогда я принесу вам туда что-нибудь поесть.

- О, не беспокойтесь, я не голодна.

- Видимо, сказалась разница во времени, да к тому же день такой особенный, - приговаривала миссис Эплинг, помогая Рейн подниматься вверх по изящной лестнице. Мгновенно сработала механическая память, и Рейн уже собиралась открыть дверь комнаты, в которой жила раньше, но домоправительница осторожно тронула ее за плечо и показала на дверь слева - в спальню хозяина. - Если вам что -нибудь понадобится, позвоните, - добавила женщина.

- Благодарю, вы очень любезны. - Рейн сейчас хотелось только одного: лечь и как следует выспаться.

Пока она окидывала взглядом комнату, весьма элегантно меблированную и выдержанную в кремово-золотистых тонах, молодой светловолосый юноша - видимо, сын миссис Эплинг - внес ее чемодан и поместил его на резную подставку у изножья кровати.

- Мистер Марлоу просил передать вам это, - он вручил ей ключ от чемодана.

- Благодарю. - Рейн натужно улыбнулась.

Юноша учтиво поклонился и вышел. Наконец-то Рейн осталась одна. Она задумчиво разглядывала гигантских размеров кровать, которую ей вскоре придется делить с Ником.

Неужели это та самая кровать, где проходили ночи любви Ника и Тины?..

Рейн поежилась, затем открыла чемодан. Не обращая внимания на кремовую сатиновую сорочку и пеньюар, предусмотрительно положенные Мартой сверху, она продолжала ворошить белье, пока не наткнулась на хлопчатобумажную рубашку и старенький байковый халатик.

Слева находилась отделанная кремовой плиткой ванная комната. Приняв душ и почистив зубы, Рейн вернулась в спальню, погасила свет, забралась в постель и закрыла глаза. Озноб по-прежнему не проходил, думать о будущем не хотелось.

Но, какой бы уставшей она ни была, сон никак не шел к ней. В напряжении Рейн прислушивалась, не идет ли Ник.

Он появился бесшумно - лишь легонько щелкнул дверной замок. Шаги приблизились к кровати. И хотя у Рейн были плотно закрыты глаза и дышать она старалась ровно, изображая безмятежный сон, она знала, что Ник, включив прикрытый плафоном светильник, смотрит на нее. Потом, наклонившись, он коснулся губами мочки ее уха и прошептал:

- Я знаю, что ты не спишь, поэтому нет смысла притворяться... Или ты ждешь, что я отнесусь к тебе как к Спящей Красавице? - Она мгновенно открыла глаза, а он добродушно хихикнул: - Ага, значит, не спишь...

Ник стоял без пиджака и галстука, рукава рубашки закатаны. Густые светлые волосы всклокочены, подбородок покрыт золотистой щетиной, но в целом он выглядел неотразимо. Видимо, неестественно бледное лицо Рейн напугало Ника, и он участливо спросил:

- Болит голова?

- Да, - кивнула она и замерла в ожидании какой-нибудь пошлой шутки. Однако вместо этого услышала:

- Тогда живо садись!

Когда, едва оторвавшись от подушек, она повиновалась, он сел рядом на край кровати и поднес ей неизвестно откуда взявшуюся кружку горячего молока, изрядно приправленного бренди.

- Я ненавижу горячее молоко! - запротестовала Рейн.

Игнорируя ее капризы, он протянул ей также пару круглых белых таблеток:

- Прими вот это. Они снимут головную боль, и ты быстро уснешь. - Его настойчивость даже немного обескураживала! - Но может, ты намерена ознаменовать сегодняшнюю ночь более запоминающимися действиями? - сардонически завершил он.

Она отрицательно мотнула головой.

Теперь Ник наблюдал, как Рейн поспешно проглотила таблетки и начала большими глотками отпивать горячее молоко. После продолжительной паузы он не удержался и заметил:

- А я рассчитывал услышать твое «да». Но поскольку после снотворного ты будешь не в состоянии оказывать сопротивление, то...

- Надеюсь, у тебя хватит такта и приличия, чтобы не воспользоваться этим... Ведь в таком положении я скорее похожа на жертву, нежели на любимую жену.

- Я ничего не могу поделать с тем, что ты чувствуешь себя жертвой, - колко ответил он. - Мне бы по-прежнему хотелось видеть между нами только согласие, причем во всех делах. Мы - равные партнеры, Рейн, и должны действовать заодно.

Сколько ему придется ждать, чтобы это сбылось?

Нику будет нелегко набраться терпения, слишком часто он терял самоконтроль в стремлении достигнуть своего во что бы то ни стало, обуздать непокорных, строптивых...

Взяв из рук Рейн пустую кружку и поставив ее на прикроватную тумбочку, он сказал:

- Вероятно, мне следует сегодня ночью настоять на своем и заняться-таки с тобой любовью.

Рейн вспыхнула и зло выпалила:

- Я вообще не желаю, чтобы ты занимался со мной любовью! Тем более на этой кровати! - возмущенно добавила она.

- А что, разве она недостаточно удобна? - Ник явно подтрунивал.

- Удобство здесь ни при чем. Я просто не могу отделаться от мысли, что... - Рейн пресеклась, не в силах произнести имя его покойной жены.

- ...что я спал на этой кровати с Тиной? Успокойся: кровать девственно-чиста.

Облегчение было настолько глубоким, что у нее на глаза навернулись слезы. Рейн сидела как изваяние, боясь моргнуть, но две слезинки уже медленно катились по ее щекам.

Ник наклонился к ней и легонько смахнул их прочь. Она даже затаила дыхание от проявления такой нежности и такого участия. Но потом ей захотелось выплакаться по-настоящему.

- Ну что ты! Разве есть повод для слез? - Он обнял ее, прижал к себе, убаюкивая, словно нянюшка.

Она ощутила биение его сердца, но неумная гордыня опять напомнила о себе, и, высвободившись из объятий Ника, Рейн откинулась на подушку.

Ник поправил ее с двух сторон (он будто ухаживал за ребенком!) и убрал с ее мокрой щеки прядь черных шелковистых волос, вкрадчиво при этом проговорив:

- Если ты не уснешь, пока я принимаю душ, то мне все-таки придется заняться с тобой любовью.

Рейн пробудилась и обеспокоенно посмотрела по сторонам. Она была одна на этой огромной кровати, хотя примятая наволочка лежавшей рядом подушки свидетельствовала: Ник спал с нею.

Синие шторы из велюра были раздвинуты, лучи утреннего солнца пробивались в спальню сквозь густые кроны деревьев за окном.

Рейн посмотрела на золотые наручные часы и вычла разницу во времени: надо же, она проспала никак не меньше двенадцати часов!

Долгий сон ее освежил, головная боль прошла, теперь она чувствовала себя бодрой и - что естественно - ужасно голодной.

И тут, будто по первому ее мысленному зову, дверь открылась, и в спальню вошел Ник, держа поднос с завтраком. Свежевыбритый и надушенный, в брюках свободного покроя и черном пуловере, он выглядел подтянутым, очень мужественным и необычайно привлекательным.

Ставя поднос к ней на колени, он поинтересовался:

- Ну как ты, получше?

С его появлением сердце Рейн безудержно пустилось вскачь, однако она ответила с прохладной вежливостью:

- Все прекрасно, спасибо.

- Наверное, проголодалась?

- Да. - Она избегала смотреть ему в глаза.

- Вот и хорошо, а то мне пришлось бы кормить тебя насильно.

Поднос был сервирован на одну персону - за исключением двух чашечек для кофе.

Рейн подняла крышку глубокой сковородки. Внутри были омлет с ветчиной и стопка блинчиков.

- А ты не хочешь присоединиться? - спросила она.

- Я позавтракал час назад. Но кофе выпью. - Он разлил по чашечкам ароматный напиток и, отойдя к окну, стал смотреть куда - то вдаль, через площадь.

Благодарная за проявленный такт (он не будет пялиться на нее, пока она ест), Рейн принялась живо поглощать завтрак. Она уничтожила почти весь омлет, потом ветчину, не забыв приправить все это соусом (как это делают большинство американцев), и добралась до блинчиков с вареньем.

Наконец, промокнув салфеткой рот и вытерев пальцы, она умиротворенно выдохнула:

- Ммм... завтрак отменный!

Ник отставил поднос на передвижной столик, присел на край кровати и, взяв ее руку в свою, осторожно поднес к губам, захватив ими указательный палец. На мгновение он зажал его между зубами (вот оно, началось соблазнение, подумала Рейн), а затем начал посасывать, будто леденец.

Рейн с трудом перевела дыхание и широко раскрыла глаза.

Эротическое воздействие тем временем продолжалось, теперь уже Ник посасывал большой палец, потом - средний. У Рейн свело мышцы живота, соски груди затвердели.

Заметив, что взгляд Ника остановился на ее губах, она конвульсивно сглотнула. Наклонившись, он легонько лизнул край ее верхней губы - по телу Рейн пробежала трепетная дрожь.

Теперь его губы скользили по ее губам, щекоча, возбуждая, очерчивая невидимую кромку.

Однако, когда ее губы раскрылись, он мягко произнес:

- Это было всего лишь предупреждение. Если поцелую еще хоть один раз - уже не отступлю, лягу с тобой и проведу здесь весь день... Хочешь?

Все ее существо кричало: «Да, да, да!» Но она сделала над собой усилие и промолчала.

- Ну что, Рейн? - продолжал искушать Ник.

- Нет! - хрипло простонала она в ответ. Он отпрянул и холодным, отчужденным голосом произнес:

- Тогда мы найдем какой-то иной способ заполнить день. Чем бы ты хотела заняться?

- Я бы хотела уйти отсюда куда глаза глядят.

- Для этого тебе понадобится другая одежда, - по-прежнему холодно и отчужденно заметил Ник, - поскольку Марта уложила лишь самое необходимое. Следовательно, я полагаю, нам самое время отправиться за покупками. Заодно познакомишься получше с Бостоном...

Хочет разбередить ее воспоминания!

- Я раздумала куда бы то ни было идти, - потупив взор, вымолвила Рейн.

Заметив ее растерянность, он воскликнул:

- Но ведь тебе же только что было все равно, куда идти! Выходит, город не вызывает у тебя особого восторга?

- А ты думал, будет вызывать? - В ее голосе что-то дрогнуло.

Ник лениво потянулся и заметил:

- Насколько я могу судить, единственное место, где ты точно не хотела быть, - это Париж. А Бостон... он ведь оставил много приятного...

- Но теперь находиться здесь - наказание для меня!

- Не все ли равно, где находиться, если жаждешь уединения?

- Меньше всего мне хочется этого... Суровая складка пролегла на лбу Ника.

- Я подумал, это шанс для тебя смириться с положением.

Она рассмеялась.

- Ты полагаешь, я могу смириться с тем, что вышла замуж за человека, которого презираю?

Ему ничего не оставалось, как проглотить эту горькую пилюлю. Сохраняя спокойствие, Ник сказал:

- Нам совсем не обязательно оставаться в Бостоне. Если хочешь, уедем сегодня же...

В ответ он не услышат ни слова. Словно бы воодушевленный ее молчанием, он весьма красноречиво продолжал:

- Нет, я полагаю, никакого смысла усугублять положение вещей. Все, чего я прошу, - это немного участия в моей жизни. А сейчас, чтобы скрасить наш медовый месяц, может, ты все-таки поведешь, куда бы хотела направиться? - Он взял ее за плечи и легонько встряхнул. - Послушай, Рейн, я не хочу больше наблюдать твою антипатию ко мне; может, скажешь, от чего мне следует избавиться? Что изменить в себе?

- Ничего. Ровным счетом ничего. И не имеет значения, куда мы поедем в наш так называемый медовый месяц.

Ник нервно сжал кулаки и решительно встал.

- Что ж, очень хорошо, - процедил он сквозь зубы. - Если ты намерена продолжать глупое противостояние и хочешь, чтобы оно превратилось в адские муки, я исполню твое желание.

Потрясенная нескрываемым жестокосердием, она парировала:

- По крайней мере таким образом я сохраню уважение к себе.

- Ну, это мы еще посмотрим.

У Рейн застыла в жилах кровь. Понимая, что отбросила его слишком далеко от себя, она было начала:

- Ник, я...

Но он уже ушел, хлопнув дверью.

Дрожа, она встала с кровати и, взяв чистое нижнее белье, шерстяное платье и туфли на высоком каблуке, прошла в ванную.

Ник, будучи человеком жестким и безжалостным, все же делал какие-то попытки к сглаживанию конфликта, а она, из-за своего тупоумия и неспособности в нужный момент придержать язык за зубами, вела себя более чем странно...

Пока чистила зубы и принимала душ, Рейн обдумывала свое поведение. Может, стоит согласиться и пойти за покупками? Заодно взглянуть и на Бостон... Если она примет такое решение, то вполне возможно, что наступит перемирие, нельзя ведь конфликтовать вечно...

Одевшись, она заколола вверх шелковистые черные волосы и с бледным, но решительным лицом направилась искать Ника, чтобы немедленно поговорить с ним.

Однако на выходе Рейн обратила внимание, что ее чемодан со всеми необходимыми вещами исчез. Она остановилась в нерешительности, гадая, что же предпринять.

Не будь идиоткой, сказала она себе. Это, наверное, миссис Эсплинг убрала его, развесив вещи.

Рейн медленно спустилась по лестнице. Внизу, в холле, появился Ник, на нем был черный кожаный пиджак, в руках он держал ее длиннополое пальто и сумочку с длинным ремешком.

- Однако ты довольно быстро привела себя в надлежащий вид, - как бы между прочим заметил он; на его лице не дрогнул ни один мускул. Он помог ей надеть пальто, затем передал сумочку.

То ли Ник все равно решил ехать в центр, то ли просчитал, что она изменит свое решение, но в любом случае Рейн была рада, что им не пришлось долго объясняться. С легким сердцем села она в коричнево-бежевый лимузин.

Какое-то время Рейн молча смотрела в окно, избегая взглядов Ника. Машина ехала по живописным улочкам.

Но обоюдное молчание стало вскоре угнетать их.

Желая разрядить атмосферу и установить хоть какой-нибудь контакт, она спросила:

- Ты этой машиной пользуешься не постоянно?

- Нет. Я купил ее для путешествий в зимнее время.

- А что это за марка?

- «Чероки-чиф».

Пытаясь не замечать его холодности, Рейн с подчеркнутым энтузиазмом продолжила:

- Просто мне показалось, что эта машина мало подходит для поездки по магазинам...

- А мы и не едем по магазинам.

- Куда же в таком случае - может, согласишься сказать?

Он взглянул на нее из-под густых ресниц и коротко бросил:

- В свадебное путешествие.

Так вот почему исчез ее чемодан! Рейн судорожно сглотнула и хрипло выдавила из себя:

- Но куда?

Мимолетная улыбка скользнула по лицу Ника, в глазах мелькнули насмешливые огоньки.

- Угадай.

Догадка явилась сама собой: нет, она решительно не намерена возвращаться в домик возле Совиноного ручья! Всего год назад это место казалось очень близко к раю, но теперь... воспоминания измучат ее...

Панически она произнесла:

- О нет, Ник... - Затем с отчаянием добавила: - Куда угодно, только не туда\..

- У тебя был шанс выбирать, - цинично напомнил он, когда машина устремилась по 195-й магистрали к побережью, - и ты тогда заметила, что тебе все равно. Так что, дорогая моя женушка, придется смириться...

При этих словах Рейн вся содрогнулась, но винить в данном случае она могла лишь самое себя, поэтому ей ничего не оставалось, как прикусить губу и молчать.

- Разве ты не собираешься молить о пощаде? - спустя некоторое время с ехидцей спросил Ник.

- Неужели это поможет?

- Нет, конечно. Но я получил бы маленькое удовольствие.

Рейн, не подумав, выпалила:

- Сродни сексуальному!

К ее удивлению, он рассмеялся.

- А это у нас впереди. Там, на Совином по ручье, мы будем совсем одни - ни единой души на несколько миль... Так что накричаться и настонаться можно всласть.

- Пытаешься запугать? - Но горло у нее перехватило.

Ник бросил на нее скользкий, лукавый взгляд.

- Увидишь, как я буду впиваться взором в твое лицо, как буду воображать себя насильником, а тебя невинной жертвой и наслаждаться твоими конвульсиями...

- Извращенец! - бросила она.

- Можешь злиться сколько угодно - это не смягчит твоих страданий. Минуту спустя он добавил:

- Но тебя ждут и волнующие мгновения. Попробуй напрячь свое воображение. Откинись; расслабься. Время еще есть, добираться до местечка будем долго.

- Но ведь скоро стемнеет! - напомнила Рейн.

Что ж, придется ехать в темноте. - Ник равнодушно пожал плечами. Атлетическая безупречность этих плеч по-прежнему вызывала у нее восхищение. Память предательски вернула Рейн к тем мгновениям, когда эти плечи, обнаженные, лоснящиеся, нависали над ней... Нет, это слишком эротичные воспоминания!.. Она стиснула руки, да так, что ногти вонзились в ладони, и услышала: - У нас хорошие фары, и я привык ко всякого рода трудностям.

Именно это не переставало ее удивлять! Ник всегда действовал уверенно, проявлял полную компетенцию в любых вопросах - порой даже мало связанных с организованной и упорядоченной жизнью горожанина. Однажды дядя рассказывал, что Ник юношей часто проводил время в молодежных лагерях, наращивая там мускулы и не чураясь физически тяжелого, изматывающего труда, чем заслужил у него уважение. Позже это проявилось в работе: Ника отличали небывалое трудолюбие и готовность к самоотречению, он в прямом смысле вкалывал с утра до вечера не покладая рук.

Дядя Гарри тоже любил совершать всевозможные поездки, и в былые годы они с Ником не раз отправлялись в дальние походы либо предпринимали путешествие на каноэ в неизведанные края.

Неизведанность... Волнующая неопределенность этого слова заставила Рейн вздрогнуть.

- Замышляешь что-то? - вкрадчиво поинтересовался Ник.

Чувствуя, что краснеет от стыда, она пробормотала:

- Я просто удивляюсь, почему ты захотел ехать на машине, почему не воспользовался самолетом?

- Самолет компании сейчас занят.

- Чем же?

- Доставкой людей в места, где отсутствуют дороги.

- А кто обычно пилотирует самолет? - Она пыталась поддержать разговор.

- Или Бруно Освальд, пилот компании, или Финн, или я.

Ник был явно не в настроении, и Рейн смолкла, смежив отяжелевшие веки.

Когда она их разлепила, солнца уже не было, дул порывистый ветер и с пасмурного неба упали первые капли, дождя.

Они свернули со 195-й магистрали и подъехали к кемпингу, обустроенному на современный лад, с учетом всех запросов автотуристов. Здесь были супермаркет, несколько площадок для парковки машин, заправочная станция, агентство по сдаче машин внаем, несколько душевых, кафе-бар, закулочные «Макдоналдс» и два ресторана.

- Ты как, проголодалась? Хочешь перекусить? - спросил Ник у Рейн.

Есть особенно не хотелось, но она с готовностью кивнула. Конечно же, за едой она попробует разговорить его. И когда Ник немного смягчится, предложит ему поменять маршрут: пусть их медовый месяц пройдет на Ниагаре. Там полно отелей и отдыхающих, а следовательно, она не будет чувствовать себя в ловушке и находиться целиком в его власти.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ник нашел место для парковки, они вылезли из машины и под проливным дождем побежали к ближайшему ресторану, который назывался «Котелок с омарами».

Внутри им помогли раздеться. Метрдотель повесил влажную верхнюю одежду Рейн и Ника на плечики и проводил их к столику на застекленной веранде. Она была украшена искусственными гирляндами лиан, рыболовными сетями и причудливых форм растениями, призванными передать атмосферу морского дна. Дождь барабанил по стеклам и стекал струйками вниз. Из-за перегородки вышла официантка с блокнотом и карандашом в руках. На ней были ослепительно белая блузка, черная короткая юбка и туфли на низкой подошве. Видимо, студентка, зарабатывающая на учебу в колледже, подумала Рейн.

В соответствии с названием главным блюдом ресторана был омар, и девушка начала перечислять всевозможные варианты его приготовления и подачи.

Чувствуя, что ей с омаром явно не справиться, Рейн после беглого просмотра меню остановилась на салате.

Как только девушка ушла, Рейн собралась с духом и спросила:

- Сколько нам еще понадобится времени на дорогу?
- Час-полтора.

Она отпила глоток ледяной воды из стакана (кажется, вода была здесь обязательным сопровождением любого блюда) и мягко спросила:

- Ты, должно быть, жутко устал вести машину в такую погоду? - В темной синеве его глаз не отразилось никаких эмоций - ее уловка явно не срабатывала. Однако, одержимая стремлением довести задуманное до конца, Рейн продолжила: - Не лучше ли остановиться и передохнуть? - (Ник удивленно поднял брови, но промолчал.) - Все-таки не лучше ли? - переспросила она и добавила: - Мы и завтра можем поехать на Совиный ручей, если ты по-прежнему хочешь...
- Я надеюсь добраться туда к ночи, остановка в отеле никак не входит в мои планы: там полно соседей и стенные перегородки, как правило, слишком тонкие...

Заметив, как у Рейн по телу пробежала дрожь, Ник загадочно улыбнулся, но улыбка была далеко не добродушной.

Сердце у нее запрыгало как ошалелое. Как повлиять на него? - спрашивала себя Рейн. Может, следует извиниться за свое недавнее поведение и вкушать немного от пирога покорности?..

- Ник, я...

Она остановилась, поскольку вернулась официантка с салатом для нее и мясным рагу для него. Быстро поставив поднос на стол, девушка поспешила к другому столику.

Ник недоуменно вскинул бровь:

- Ты что-то хотела сказать?

Теперь она понимала, что необходимо взвешивать каждое слово, поэтому произнесла с большой осторожностью, запинаясь:

- Ты как-то заметил: не стоит усугублять положение вещей, и я... я поняла, что ты прав.

Ответом было циничное молчание.

- Я знаю, - продолжала Рейн, - что была... была непокладиста. Извини...

- И ты решила, извинение может меня смягчить? Боюсь, твои усилия напрасны.

- Пожалуйста, Ник...

Он отрицательно мотнул головой.

- Лучше побереги свои силы, подкрепись, - сухо сказал он. - Скоро нам отправляться.

Рейн попыталась съесть хоть немного салата, но пицца комом встала в горле. Ник же, напротив, довольно быстро расправился с рагу и, видя ее нетронутую тарелку, обронил:

- Если ты пытаешься оттянуть время...

- Ничего подобного, - резко оборвала Рейн, - я просто не хочу. Но кофе выпила бы.

Лишь только чашки опустели, Ник попросил у официантки счет и дал такие щедрые чаевые, что девушка сперва даже опешила, а потом разулыбалась:

- Ого, вот это да! Пусть у вас будет удача!.. Поддерживая Рейн за локоть, Ник повел ее к выходу.

- Мне нужно помыть руки, - быстро проговорила она и метнулась в сторону двери с надписью. «Комната для дам».

Внутри было светло и комфортно. Вдоль стены шел ряд сверкающих белизной раковин, имелся здесь также столик для косметических принадлежностей. Кроме Рейн в комнате находилась еще одна женщина. Она стояла у сушилки. Рейн осмотрелась: ни единого окна, через которое она смогла бы сбежать. Может, Ник отошел от входной двери? Но нет - он стоял на страже. Итак, выбора у нее не было, оставалось одно - следовать за ним.

Уже начинало темнеть. Люди суетились возле своих машин. На мокром асфальте разноцветными огоньками отражалась неоновая реклама.

Он обнял ее за талию, и короткими перебежками они достигли своего автомобиля. Когда Рейн пристегивала ремень безопасности, струйки дождевой воды покатались по ее лицу, будто слезы.

Наклонившись, Ник смахнул их тыльной стороной ладони. От его прикосновения у нее перехватило дыхание, а он с натянутой улыбкой спросил:

- Что, дорогая, ждешь не дождешься ночи? Она решила не отвечать на вызов.

Перед выездом на эстакаду Ник посмотрел на спидометр и произнес:

- Бензин на исходе, нужно подзаправиться. Он подрулил к одной из колонок, выключил мотор и вышел.

Тут Рейн осенило: у нее есть возможность убежать. Вход в придорожный супермаркет находился совсем рядом. Если она проскользнет внутрь, то уж затеряться в толпе не составит никакого труда.

Но у нее нет денег - лишь небольшая сумма в английских фунтах стерлингов, а доллара - ни одного. Правда, есть еще кредитные карты... Надо попробовать спрятаться в магазине и переждать, пока Ник не уедет. Затем она наймет машину и попросит водителя подвезти ее до ближайшего мотеля. Там она и укроется на некоторое время.

Ник тем временем наполнил бак, завинтил колпачок и отправился в ярко освещенную диспетчерскую, чтобы расплатиться за бензин. Сердце Рейн неистово колотилось, когда она наблюдала, как его фигура в черном кожаном пиджаке исчезла в дверях. Потом через окно она увидела, что он встал в очередь.

Секунду спустя она отстегнула ремень безопасности и выбралась наружу, хлопнув дверцей. Бежать нельзя ни в коем случае, подумала Рейн, и пошла спокойным шагом, не оборачиваясь в сторону супермаркета.

И вот уже позади входные стеклянные двери. Ноги едва слушались Рейн, но она постаралась как можно быстрее раствориться в толпе - супермаркет был переполнен скрывающимися от дождя людьми.

Здание было двухэтажное, по обеим сторонам второго этажа шли балконы. Высоко вверх виднелась стеклянная крыша. Рейн ступила на эскалатор, чтобы подняться на второй этаж.

Многие витрины все еще были украшены к праздник Хэллоуина, но она, нервно оглядываясь, едва ли замечала колдуний в островерхих черных колпаках, привидений с белыми шлейфами и прочих страшилищ, изготовленных из огромных тыкв.

Почему-то Рейн сразу бросились в глаза мужчина и женщина, одетые в синюю униформу службы охраны. Они прохаживались вдоль торговых рядов с пристегнутыми к поясам переговорными устройствами. У мужчины болтались еще и наручники. Какой-то молодой человек с явно хулиганскими замашками был отозван ими в сторону - видимо, для предупреждения.

Чувствуя себя не в своей тарелке, Рейн последовала за двумя прилично одетыми дамами в одну из секций.

Потом она подумала, что если начнет бесцельно переходить от одного прилавка к другому, то очень быстро вызовет подозрение у обслуживающего персонала или у службы охраны. Но поскольку выбора у нее не было, Рейн продолжала блуждать по отделам. Прошло около часа. Интересно, Ник уехал или нет?

Проверить можно, только выйдя на стоянку.

Собрав всю свою храбрость, Рейн направилась к выходу. На улице все еще лил дождь, к тому же усилился ветер, который безжалостно бросал холодные дождевые капли ей прямо в лицо.

Рейн огляделась – машины Ника на стоянке не было. Со вздохом облегчения она поспешила к офису фирмы, оформлявшей машины напрокат. Но когда открыла сумку и судорожно покопалась внутри, то обнаружила, что там нет ни кошелька, ни кредитных карт, ни водительского удостоверения...

Рейн охватила жуткая паника. Она порылась в сумке еще раз – результат прежний: все исчезло.

– Могу ли я чем-нибудь помочь? – любопытно спросила брюнетка из-за стойки.

Не зная, что ответить, Рейн выдавила:

– Я... я хотела нанять машину... но, кажется, посеяла кошелек.

– Спросите в бюро находок в супермаркете. – посоветовала брюнетка. – Потери – это по их части.

Повернувшись, чтобы уйти, Рейн натолкнулась, вернее, налетела на высокого, широкоплечего мужчину, с густой шевелюры которого стекали дождевые капли.

Это можно сравнить с падением в лифте – вдруг увидеть перед собой Ника и его ухмылку.

– Что, удивлена? – спросил он ледяным голосом.

– Ма... машины не было на месте... Я... я подумала, ты уехал, – запинаясь, бормотала она.

– Допустим, ты права. – Он обнял ее за талию и стал подталкивать к выходу.

Ее охватила дрожь – видимо, частично от испытанного шока, а частично от холода. Лучше бы она осталась в супермаркете!..

Словно угадав ее мысли, Ник сказал:

– Даже если бы ты задержалась там дольше, я прошел бы внутрь и нашел бы тебя.

– Все далеко не так легко, как представляется, – запальчиво возразила Рейн. – В таком людном месте вряд ли бы ты сумел найти меня.

Ироничная улыбка искривила его губы, он спокойно произнес: – Я знал, где ты находилась в течение последнего часа.

– Но как?.. Каким образом?.. Не понимаю... Разве ты последовал за мной?..

– Не было необходимости. – Видя, что ее всю колотит, Ник добавил: – Тебе нужно выпить горячего кофе, прежде чем мы отправимся.

В кафе-баре, куда он ее привел, было тепло и довольно уютно. Рейн с радостью опустилась в красное пластиковое кресло и, попивая крепкий, бодрящий кофе, сдавленным голосом спросила:

– Если ты не следил за мной, то как смог узнать, где я нахожусь?

– Я сразу же обратился в службу охраны и дал им твой словесный портрет. Они вычислили тебя за несколько минут и потом не спускали глаз. – У нее даже приоткрылся рот от удивления

рот, а Ник продолжал: – Видишь ли, по счастливой случайности я имею отношение к компании, которой принадлежит этот супермаркет.

Значит, все то время, пока она воображала себя беглянкой, приспешники Большого Брата не спускали с нее глаз? Забавно! Даже более чем забавно!.. И тут Рейн начала смеяться. В ней словно бы лопнула некая струна, не выдержав напряжения.

Однако ее смех напоминал скорее истерику, и Ник, потянувшись через стол, сжал ладонями лицо Рейн и впился в ее губы, принуждая жену замолчать. Постороннему наблюдателю они могли показаться страстными любовниками.

Когда он отпустил ее, она слегка отпрянула и сделала глоток кофе, пытаясь обрести хотя бы видимость спокойствия.

Как только способность нормально говорить вернулась к Рейн, она с наигранной легкостью заметила:

- Я и представить не могла, что какой-то придорожный магазинчик может входить в сферу твоих интересов.
- О, это просто случайность. Дело в том, что у администрации супермаркета в процессе реализации проекта возникли серьезные финансовые затруднения. Вот я и взял на себя покрытие непредвиденных расходов.
- Какой великодушный шаг! – Желчное замечание вылетело как-то само собой. – Ты, наверное, являешься и владельцем фирмы по сдаче машин напрокат?
- Извини, но я не всемогущ. А что ты собиралась делать, наняв машину?
- Рвануть в какой-нибудь мотель, а там видно будет... Но похоже, все против меня. Я без денег, без кредитных карт и прочее...

Он неодобрительно прищелкнул языком.

- Ах, дорогая! Как неосмотрительно с твоей стороны!..
- Но я не потеряла их, правда ведь? Они у тебя?
- Да, – спокойно ответил Ник.

Ее охватила злость, она с негодованием выкрикнула:

- Для чего ты их взял?
- Ты еще спрашиваешь?! Давай быстрее допивай свой кофе, нам давно пора в путь.

Рейн взмолилась:

- Ник, ну пожалуйста... если мы только вернемся обратно в Бостон...
- Ты подчинишься всем моим требованиям? – подхватил он, а потом решительно добавил: – Твое предложение, дорогая женушка, слишком запоздало. После того как ты исчерпала весь лимит моего доверия, я решил взять ситуацию под свой контроль – и больше никаких сделок!

Итак, она ничего не выиграла. Все оставалось по-прежнему.

Или даже хуже...

Ну что же, сейчас Ник грозен и неуступчив, однако, когда они останутся наедине, она попытается сразиться с ним еще раз.

Он помог ей встать. Рейн огляделась вокруг, будто ища кого-то, кто придет на помощь. Какая наивность!

Да, можно было бы устроить сцену, отказываясь следовать за ним. Ну и что тогда? Ведь она - его законная жена, никто не станет вмешиваться в семейную перебранку.

С осознанием необходимости подчиниться Рейн побежала за Ником к машине.

Погода оставалась ужасной, и, видимо, поэтому на магистрали было почти пусто. Они ехали на очень большой скорости. За окнами автомобиля время от времени мелькали огоньки стоянок. Лицо Ника, озаряемое фарами встречных машин, выражало суровую непреклонность. Рейн опять сидела объятая страхом.

Если бы отец догадывался, размышляла она, каким испытаниям я себя подвергаю, он бы никогда не позволил, не допустил... Да ведь брак еще не зарегистрирован официально, так что не поздно все повернуть вспять, аннулировать... аннулировать эту сделку...

Глубоко вздохнув, она произнесла:

- Я знаю, мы заключили сделку, однако...

- Однако ты пытаешься всеми правдами и неправдами уклониться от обязательств с того момента, как я надел тебе на палец кольцо... Разве не так, моя дорогая женушка?

Рейн почувствовала, как ее лицо заливают краской.

- Это была ужасная ошибка, - проронила она. - Мне не следовало соглашаться.

- Но ты согласилась - и теперь связана со мной, - холодно проинформировал он.

- И что же, тебя даже не остановит тот факт, что ты мне противен?..

Он застыл на некоторое время. Потом сказал:

- На этой стадии игры я не намерен отступить. Но, несмотря ни на что, козыри у тебя остаются.

Теперь настал черед Рейн задуматься над его словами.

Дальше ехали молча. Транспорта на магистрали по-прежнему было мало. При съезде с автострады на дорогу, ведущую к канадской границе, им вообще не встретилось ни одной машины.

Стало очевидным: Совиный ручей уже недалеко.

У меня не остается выбора, размышляла Рейн. Или я сдаюсь без боя, или продолжаю сопротивление... но в том и в другом случае результат один: я буду пристыжена и унижена...

Устав от невеселых мыслей, она задремала и пробудилась уже тогда, когда машина свернула на неровную лесную дорогу. Фары высвечивали колею с жидкой грязью и деревья, подступавшие с обеих сторон к дороге. Это были могучие сосны. Потемневшие от дождя, они стояли, подобно сказочным великанам, плотной стеной, с их иголок капала вода.

Трясаясь на колдобинах, машина продолжала спускаться куда-то вниз. Так они ехали несколько миль – до тех пор, пока деревья наконец не расступились и фары не выхватили бревенчатый мостик, перекинутый через Совиный ручей. На скользких бревнах машина едва ли удержится, подумалось Рейн, и перил нет... Внизу же – бурлящий пенистый поток. Она сидела, затаив дыхание. Ник уверенно проехал по настилу и тормознул невдалеке от показавшегося сруба. Дальше машине было не пройти. Выйдя под проливной дождь, он обошел автомобиль, открыл дверцу со стороны Рейн и помог ей выбраться.

- Давай я тебя перенесу, – предложил Ник, поскольку было ясно, что ее туфли тут же увязнут в грязи.

Она оцетинилась:

- Сама справлюсь.

Ник взглянул на нее с ехидной улыбкой и бросил:

- Как угодно. – Потом отступил назад.

Рейн пыталась ступать максимально осторожно, но туфли на высоком каблуке все равно утонули в жиже. Дальше – хуже. Несколько шагов – и ей пришлось расстаться с туфлями. Ноги тут же наступили на что-то скользкое, и она зашаталась, пытаясь сохранить равновесие. Однако это ей не удалось, и Рейн плюхнулась на бок.

Сквозь шум дождя слышалось хихиканье Ника, затем он склонился над ней, услужливо спрашивая:

- Так что, помощи не нужно?

- Совсем не нужно! – огрызнулась она и приложила максимум усилий, чтобы встать на колени. – Обойдусь в любом случае, даже если мне придется ползти на карачках...

- Тогда не стану мешать.

Едва она встала на ноги, как опять поскользнулась и шлепнулась. Какая мерзкая грязь! Чтоб ее!.. На этот раз Рейн почувствовала: что-то царапнуло щеку.

Держа слово, Ник делал вид, что не замечает ее. Он достал вещи из багажника, выловил из грязи ее туфли. Затем открыл дверь дома.

Рейн продолжала барахтаться в грязи в безуспешной попытке встать на ноги.

Секунду спустя в окнах сруба вспыхнули желтые огоньки. Ник вернулся, чтобы погасить фары и закрыть машину.

Когда Рейн с трудом добралась до веранды, она была вся в грязи и промокла до нитки.

Дверь Ник оставил для нее приоткрытой.

Зайдя внутрь, она увидела, что со времени ее отъезда в домике ничего не изменилось.

Вызывая в памяти чувство испытанного тогда искреннего восторга, она прикусила губу от болезненного осознания и напоминания, что вся та радость была замешена на лжи и обмане. И все то время, пока Ник занимался здесь с ней любовью, он думал о женитьбе на другой женщине.

Насильно заставляя непослушные ноги передвигаться, она, притворив за собой тяжелую дверь, прошла к вешалке и повесила на крючок сумочку.

Ник с коробком спичек в руках суетился перед камином. Он взглянул на нее.

Вся перепачканная грязью. Одна щека поцарапана, на ранке выступила кровь. Волосы мокрые, висят, напоминая крысиные хвостики. Ноги по щиколотку в грязи, на одном колене ссадина.

Терпеливо ожидая, когда ее пригласят пройти, Рейн вскинула голову и обняла себя руками. Он выпрямился и, покачав головой, произнес:

- Из-за глупой гордыни ты смешала себя с грязью...

Она подавила в себе дрожь и пожала плечами.

- Я всегда понимала, что грязь хорошее лекарство.

В его взгляде мелькнуло что-то, явно похожее на восхищение.

- Но сейчас тебе лучше освободиться от нее. Я зажег колонку, так что скоро будет горячая вода.

Занавески на окнах были плотно задернуты, батареи отопления включены. Постепенно в гостиной становилось тепло.

А в ванной было еще теплее. Рейн стащила с себя промокшую одежду, затолкала ее в корзину для грязного белья и поспешно встала под душ. Теплые струи обожгли острой болью ранки на щеке и коленке, но, несмотря на это, стоять под душем было сущим блаженством.

На полочке имелся широкий ассортимент туалетных принадлежностей, включая зубные щетки, пасту, несколько расчесок, ароматизаторы, флаконы с шампунями и гелями.

Прежде всего Рейн решила помыть волосы. Она взяла бутылочку шампуня. Он имел отчетливый терпкий запах - тот самый, что ореолом витал вокруг Ника. К сожалению, ей пришлось им воспользоваться, поскольку ее туалетные принадлежности остались в Бостоне. Рейн с наслаждением, неторопливо продолжала принимать душ. Когда закончила, то в закрытом шкафчике над сушилкой нашла салфетки для лица, стопку полотенец и два новых махровых халата. Опять чистая, взбодрившаяся, она высушила полотенцем волосы, причесалась, набросила на себя один из халатов, его рукава пришлось подвернуть, и, туго подпоясавшись, вышла из ванной.

В гостиной было уже тепло и уютно.

Ник как раз в это время входил с охапкой поленьев, которые он брал на веранде. Судя по их количеству возле камина, можно было сделать вывод, что Ник совершил уже несколько ходок. Здесь же, у камина, сиротливо сушились ее туфли.

Он повесил свою кожаную куртку на крючок и любопытствовал:

- Ну как, лучше? Она кивнула.

Вдруг он оказался слишком близко от Рейн и заглянул прямо ей в лицо. Убрал с него непослушную прядь волос, Ник нежно коснулся языком ссадины на ее щеке. Затем потянулся, чтобы поцеловать ее в губы.

Она попыталась увернуться, и он не стал добиваться своего, лишь бросил:

- Теперь я хочу принять душ, а ты займись своими непосредственными обязанностями жены - приготовь ужин. - И, поскольку она тупо воззрилась на него, он досадливо добавил: - Ну уж консервы-то ты сможешь открыть?

- Это - пожалуйста, а то уж я чуть было не подумала, что ты пошлешь меня в лес подстрелить дичь.

Он рассмеялся.

- Не в этом же наряде! Как ты, должно быть, заметила, там грязи по).а. - но... - По пути в ванную он обернулся: - Если не сможешь ничего придумать, я согласен на жареные бобы.

О, если бы он только знал, какие блюда она умеет готовить! В веселом настроении Рейн достала свежее нижнее белье, брюки, пестрый свитер с большим отложным воротником, украшенным миниатюрной заколкой, и быстренько надела все это на себя. Оказалось, что Марта предусмотрительно положила даже ее любимые велюровые комнатные тапочки.

Шкаф для продуктов был полон всякой всячины. Ну уж сейчас я покажу, на что способна, решила Рейн.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Не прошло и десяти минут, как Ник появился из ванной. Полностью одетый, он вытирал махровым полотенцем густую шевелюру. Рейн была так поглощена приготовлением ужина, что даже не взглянула в его сторону.

Как только мясо было поставлено в микроволновую печь и яблочный пирог, находящийся там же, начал покрываться золотистой корочкой, она стала сервировать стол на двоих. Ник тем временем открыл бутылку калифорнийского вина и наполнил два бокала.

Уже готовый рисовый пудинг производил неотразимое впечатление: легкий, воздушный, подрумяненный. На блюда она разложила консервированные грудку цыпленка, овощи, завитки копченой ветчины, ломтики артишока - такие разноцветные, аппетитные. При виде всего этого текли слюнки.

Ник одобрительно рассматривал сервировку, а она тем временем вынула из микроволновки горшочек с мясом и сообщила:

- Это последний штрих.

- Выглядит довольно аппетитно, - прокомментировал он.

- Я так признательна за похвалу. - Рейн одарила его благодарной (явно наигранной!) улыбкой

и, сняв крышку с горшочка, стала доставать оттуда кусочки румяного мяса и раскладывать по тарелкам. Сверху она полила его соусом, сказав при этом: – С ним блюдо покажется еще вкусней.

Под мнимым радушием скрывалось коварство: к соусу Рейн добавила изрядную долю моющей жидкости. Сохраняя на лице полную невинность, она пригубила бокал с вином, а он положил в рот довольно большой кусок, сдобренный соусом.

Но в тот же миг вилка звякнула о тарелку, и Ник стремглав бросился в ванную. Рейн как ни в чем не бывало потягивала вино.

Наконец он появился из ванной и приблизился к ней со словами:

– Ах ты, киска-проказница!..

Она, сделав вид, что ничего особенного не произошло, ровным голосом произнесла:

– В микроволновке пирог.

– И с чем же? – поинтересовался Ник.

– Ни с чем. Обычный яблочный пирог.

– Благодарствую. Я уже побывал в роли гурмана. А вообще-то у меня пробудился аппетит иного рода...

– Нет! – воскликнула она. – Я не позволю тебе играть со мной как с куклой.

– И каким же образом ты намерена меня остановить?

Рейн закусил губу. Остановить его она не сможет... Ник, конечно же, сильнее. Но он не из тех мужчин, которые станут наслаждаться любовью с агрессивно настроенной женщиной, поэтому нужно воздвигнуть между ними какую-либо преграду, чтобы его пыл охладился...

– Я буду бороться до последнего! Ник рассмеялся:

– О, как мелодраматично!

– Я серьезно. Так просто я не сдамся!

– Ну что ж, посмотрим, что из этого выйдет.

Придерживая ее под локоть, он помог ей подняться и галантно вывел из кухни.

– Я... я собиралась сварить кофе, – пробормотала Рейн.

– Новая увертка?

– Нет, мне действительно хочется кофе! А ты разве не выпил бы чашечку? Я хочу кофе!.. Ну, пожалуйста... – Она судорожно искала любой предлог, чтобы отсрочить решающий момент.

Ну что же, – ровным голосом согласился Ник, – только учти: это твоя последняя увертка. – Он подвел ее к одному из низких кресел возле камина, усадил в него и сказал: Кофе я сварю сам. – Затем, улыбнувшись, добавил: – Не хватало еще, чтобы ты всыпала туда крысиного яду...

- Если бы я знала, где он находится, то давно бы им воспользовалась!

Пока он кипятил воду и варил кофе, Рейн сидела с отрешенным видом и разглядывала языки пламени. Неужели это все, чего она добилась? Близости с Ником ей, конечно, не избежать, и пока ее тело будет млеть и таять под его напором, сердце ее превратится в ледышку...

Но вот и кофе. Поставив поднос на низенький столик, Ник достал из шкафчика бутылку коньяка и две рюмки. Разлив ароматный напиток по чашкам, он предложил:

- Бренди?

Она колебалась с ответом.

- Граммулка быстро поправит дело, поможет расслабиться, - мягко посоветовал он.

Рейн готова была отказаться, но передумала и кивнула. Это придаст ей храбрости... или послужит анестезией к тому, что последует за этим кофепитием...

Ник плеснул коньяку на доньшко ее рюмки - гораздо меньше, чем Рейн ожидала. Когда она подносила рюмку к губам, рука дрогнула, край рюмки цокнул о зубы. Она проглотила янтарную жидкость, будто микстуру, и поставила рюмку, жестом показывая, чтобы он налил еще.

- Думаю, хватит. После завтрака у тебя во рту не было и маковой росинки, поэтому спиртное ударит в голову.

- Пусть ударит. Мне все равно.

- А мне нет, - спокойно сказал он, забирая у нее рюмку. - Я не хочу, чтобы ты раскисла. Ведь у нас впереди вся ночь. - При этом он многозначительно ухмыльнулся.

Не успела Рейн собраться с мыслями, чтобы достойно ответить ему, как Ник уже навис над ней. Она замерла в нерешительности. Не теряя времени даром, он стал покрывать ее лицо нежными поцелуями.

Его губы - такие возбуждающие и дразнящие - коснулись ее век, скользнули по бровям, нашли кончик носа и на мгновение помедлили у края рта, прежде чем очертить потом линию подбородка.

- Я так долго ждал этого момента, - хрипло прошептал он, - и хочу, чтобы ты откликнулась на мою искренность. - Переменяя каждое признание паузой из поцелуев, он продолжал: - Я хочу видеть твое лицо, когда буду по капле черпать удовольствие из твоего тела... Я хочу наблюдать, как ты вся дрожишь в экстазе... Я хочу слышать твое прерывистое дыхание и твои стоны... И, наконец, когда ты не в силах будешь сносить это томление, я хочу слышать твой восторженный призыв, твою мольбу...

Сердце Рейн колотилось как одержимое, даже дыхание было стеснено, все с большим трудом ей приходилось подавлять предательские позывы тела, желание близости переполняло ее.

- Если ты жаждешь услышать мольбу о пощаде, - прохрипела Рейн, - то вот она: оставь меня, Ник. Я бы никогда не согласилась на этот брак. Мне не хочется заниматься с тобой любовью.

Никакого намека на милость на этом самодовольном лице она не увидела.

- Тогда, моя дорогая, я должен решить, как наилучшим образом заставить тебя думать иначе. Тебе давно пора начать выполнять свои супружеские обязательства, и я думаю, ты насладишься результатами.

Глядя на Ника как затравленный кролик, Рейн конвульсивно сглотнула. А он продолжил ласки. Нежными касаниями губ Ник прошелся по всей длине шеи Рейн, а потом его рука скользнула за воротник свитера. Дерзкие пальцы спустились ниже, в вырез бюстгалтера, и вот уже сжали затвердевший сосок.

Внизу ее живота шевельнулось желание, и она глубоко вдохнула воздух - как пловец перед заплывом.

Видя ее реакцию, Ник улыбнулся. Теперь его пальцы перебрались к другому соску и поиграли им. А потом все те же неумные пальцы проворно отыскали застежку бюстгалтера и щелкнули ею. Быстрым движением Ник снял с нее свитер и отбросил прочь, вслед за ним полетел и бюстгалтер.

С волнением она ощутила, как его губы коснулись груди: язык, влажный, ищущий, неистовый, нежно очерчивал затвердевшие соски. Она застыла в предвкушении неземного блаженства.

Ник тем временем снял свитер и с себя. От его совершенного мускулистого торса невозможно было оторвать глаза. Широкие плечи, тонкая талия, узкие бедра. Все свидетельствовало о подтянутости и силе.

- Прикоснись ко мне, - вкрадчиво попросил он, - не противься своему желанию.

Ей, конечно, хотелось прикоснуться, но сделай она это однажды - и потеряна навсегда.

Рейн неотрывно смотрела на манящее ее тело: рот пересох, щеки пылали. Он прижал ее ладони к своей груди, и она уже была не в силах их отнять, не в силах противодействовать. Закрыв глаза, Рейн начала нежными, плавными движениями гладить его тело.

Пальцы ощутили шелковистость кожи Ника, возбуждающую теплоту напряженных бицепсов и мощь торса. Коснувшись сосков его груди, она позволила своему языку узнать их на вкус. Шелковистые пряди черных волос Рейн льнули к нему, точно нити паутинки соединяя их с Ником в один кокон.

Его кожа имела солоноватый привкус, а терпкий мужской запах опьянял. Рейн даже не заметила, как он расстегнул брюки и приспустил их. Секунда - и за ними последовали трусы. Действуя в едином порыве с ним, она тоже освободилась от одежды. Теперь они стояли, обнаженные, друг против друга.

Обхватив обеими руками ее ягодицы, Ник плотно прижал Рейн к себе. Она замерла в сладком любовном томлении, жаждая как можно быстрее утолить чувственный голод.

Ее пальцы будто невзначай коснулись упругой плоти Ника, и он, застонав, повлек ее на пол. Рейн улеглась на медвежьей шкуре возле камина.

Ник возвысился над нею, любуясь ее роскошными формами. Рейн лежала с закрытыми глазами.

- Ты прекраснее, чем я рисовал в своем воображении, - с хрипотцой в голосе проронил он. - Взгляни на меня, любимая. - (Длинные черные ресницы распахнулись навстречу его

восхищенному взгляду.) – Я нахожусь во власти твоих чар с первого момента нашей встречи... Я так и не смог забыть тебя... – Ник коснулся ее губ большим пальцем. – Ты меня совершенно обворожила...

В ее сознании мелькнуло: «Но ты ведь женился на другой женщине...» А он продолжал, теперь уже шепотом:

– Моя зеленоглазая колдунья... скажи мне, что хочешь меня так же, как хочу тебя я...

Ник накрыл ее рот страстным поцелуем. Пока он длился, руки Ника скользили вдоль тела Рейн вверх и вниз, лаская и нежа его.

Искусный любовник, он, вызвав трепет желания, доводил его до состояния нестерпимой сексуальной жажды. И когда они достигли этого, Ник стремительно овладел ею. Она вся выгнулась ему навстречу, а ощутив его в себе, издала полный сладостного томления стон. По всему ее телу разлилось восхитительное тепло.

– Рейн, ты ждала этой минуты? – хрипло спросил Ник.

В ответ она обвила его шею руками, прижала к себе с пылкостью и благодарностью.

– Я хочу услышать твое «да», – не унимался он.

– Да, да! Я хочу тебя, я тайно ждала этого мига!.. – Она прижала его сильнее.

В ответ он прошептал:

– О моя нежная, моя желанная! Не спеши так. У нас вся ночь впереди. Я приготовил для тебя изысканные, неожиданные, волнующие открытия...

Когда Рейн проснулась, то ощутила себя будто бы в теплом комфортном коконе. Она чувствовала необыкновенную приподнятость духа и радость жизни. Впечатление такое, словно но бы ей удалось уцелеть после кораблекрушения.

Вскоре голова прояснилась, и перед ней пронеслись картины невообразимых любовных утех, распаливших их с Ником до предела в предыдущую ночь.

Теперь они лежали бок о бок, и его рука покоилась у нее на груди, охватив ладонью полушарие. Он дышал ровно, спокойно.

О, его стратегия была превосходна! Она вспомнила, как искусно провел ее Ник по всем ступенькам нарастания сексуального напряжения. И она покорно следовала за ним, будто агнец на заклание.

Рейн постаралась отогнать прочь воспоминания о дарованном ей наслаждении. Она принялась проклинать свое слабование, свою бесконтрольность над разбушевавшимися эмоциями. В конце концов ей пришлось уступить Нику, ее попытка к сопротивлению оказалась слабой, она пылко и страстно отвечала на его любовный натиск, а потом и вовсе отдалась ему. Отдалась с желанием, с восторгом, с готовностью...

Ею овладело чувство стыда и унижения. О, если бы можно было все вернуть назад!.. А теперь случилось то, чего она так боялась: она стала игрушкой в руках человека, у которого на уме только похоть.

Похоть... которую она год назад восприняла как любовь. Если бы она была более опытной женщиной, то не оказалась бы в подобной ситуации. Но как раз опыта-то у нее и не было. Однако не надо сбрасывать со счетов то обстоятельство, что Ник пытается загладить свою вину. Может, совсем скоро он предоставит ей свободу. Свободу, отравленную ядом любви? К чему ей такая свобода? К тому времени она уже будет разрушена, сожжена дотла его страстью...

Приступ тошноты возник ниоткуда. Скорее всего, его породила царившая в душе Рейн паника.

Ник по-прежнему безмятежно спал. Она же почувствовала, как у нее угрожающе заурчало в животе. Осторожно высвободившись из-под его руки, Рейн встала и пошла в ванную.

В напряжении, вся дрожа, она наклонилась над раковиной в ожидании, что тошнота пройдет. Затем, стиснув зубы, на цыпочках вернулась в гостиную и, закутавшись в плед, села у камина.

- Какого черта ты тут делаешь? - Она и не слышала, что Ник подошел к ней сзади. В тусклом свете догорающих в камине поленьев она увидела его - нагого, раздосадованного. - Ты определенно простудишься, глупышка.

- Я... я почувствовала себя неважно.

- Вероятно, оттого, что плохо поела. Я принесу тебе бисквиты и горячий шоколад.

Ее желудок протестовал уже от одной мысли о еде!

- Нет, нет... Я ничего не хочу.

- Тогда возвращайся в постель.

Когда она не предприняла даже попытки двинуться с места, он осторожно подхватил ее и понес к кровати. Улегшись рядом, прижал ее к себе, будто защищая.

Приятное тепло начало прокрадываться в каждый уголок естества Рейн. Чтобы не слишком выказывать свою отчужденность, она неловко изогнулась, но поскольку лежала к нему спиной, то это движение было истолковано им как желание. Она ощутила упругость его плоти, а дальше случилось то, что неизбежно должно было произойти.

- Так-то лучше, - поощрительно заметил Ник.

Опять мощные удары его сердца, опять прилив волнения, опять сладостное томление, сменившееся сном...

Второй раз она пробудилась, когда было совсем светло. Ник лежал рядом, подперев голову одной рукой, и улыбался, глядя на нее. Его пшеничного цвета волосы были взлохмачены, но это лишь придавало ему шарма.

Боже, какой он привлекательный, какой милый, неотразимый! Да еще когда вот так улыбается! Сердце Рейн екнуло и начало трепыхаться, как пойманная в сети рыба.

Возможно, ее состояние отразилось на лице, так как он наклонился, нежно коснулся губами ее губ и тепло произнес:

- Прошлой ночью ты отвечала на мои ласки с такой страстью, которая не могла мне не понравиться... Я так долго мечтал об этой близости!.. - Он опять поцеловал ее. - И знаешь, твое

поведение убедило меня, что тобой совсем не движет чувство ненависти...

- Ну почему же! Ненависть я тоже испытывала, - быстро ответила Рейн, - но, кроме всего прочего, еще и похоть. Женщины тоже подвластны похоти, тебе это известно? - ерничала она.

- Не пытайся меня провести! Твои чувства были искренними! Ты однажды уже любила меня, и это чувство не иссякло. Если бы не оно, ты бы дралась со мной, как дикая кошка. Не было смысла это отрицать, она лишь украдкой взглянула на него.

- Интересно, любила ли ты меня, несмотря ни на что? - произнес Ник после продолжительной паузы.

Вопрос-сомнение острием ножа кольнул Рейн в сердце. Ей захотелось ударить его, но она едко парировала:

- А что заставляет тебя думать, что я могу любить человека, который сделал из меня шлюху? - От неожиданности услышать такое он опешил, а она наигранно рассмеялась: Ты ожидал благодарности? Да, ты ее, безусловно, заслужил.

- Не глупи, Рейн...

- Ах да, я запомнила... шлюха с ограниченными правами. У обычной есть хотя бы выбор - она может решать, кому продавать тело. Мы женаты, - скованно проговорил он, - со всеми вытекающими отсюда обязательствами. Ты - моя жена.

- По принуждению, - уточнила она, и огонек задора мелькнул в ее взоре. - Ты однажды сказал, что тебе нужно мое тело. Что ж, пользуйся. Но это все, на что ты можешь рассчитывать. Никакого утешения или участия и, ее заболеешь, никакой помощи или поддержки. Когда устанешь и тебе понадобится плечо - рассчитывай опереться на мое. Никакого с страдания, даже если твой мир будет распадаться на части... Любить тебя? - Она натужно улыбнулась. - Я презираю тебя! Если бы оказался в зыбучем песке, я не протянула тебе и хворостинку. Стояла бы и смотрела, как ты медленно исчезаешь...

Тирада обжигала. Его лицо - каменная мука, вокруг рта пролегла морщинка. Он ответил:

- Не нужно ничего больше говорить. Твоя речь была слишком убедительна. Значит, все, на что я могу рассчитывать, - твое тело?.. В таком случае попытаюсь извлечь из этого максимальную выгоду.

Его губы вытянулись в презрительную ухмылку, он хладнокровно потискал ее сосок, затем скользнул рукой ниже - к месту более чувствительному и желанному.

Стараясь дышать ровно, Рейн лежала недвижно: лицо мертвенно-бледное, зубы крепко сжаты. Всем своим видом она стремилась показать полную безучастность к происходящему.

Зато Ник, похоже, терял самообладание. В глубине его синих глаз блеснуло нетерпение, он взял ее руку и требовательно прижал к своей восставшей плоти.

Рука Рейн оставалась вялой, недвижимой, и это можно было расценить лишь как своеобразное оскорбление, пренебрежение им.

Его губы сжались, искривились.

- Если ты не в настроении изображать из себя развратную, продажную женщину, дорогая, я постараюсь тебе подыграть...

Она прервала его ударом по щеке. От неожиданности он часто-часто заморгал, а потом, рассмеявшись, воскликнул:

- Невероятно! Оказывается, ты живая!.. Смех смехом, а щека побагровела.

Сжав кулаки, она пустилась молотить ими по Нику, причем с такой неподдельной ненавистью, за которую - она знала - потом будет стыдно.

- О!.. О!.. О!.. - восклицал он. - Ах ты, маленькая цапка-царапка!

Рейн тем временем перекатилась на другую сторону кровати, но Ник притянул ее обратно; она изловчилась и опять ударила его наотмашь. В ответ он театрально застонал - то был скорее стон сладострастия. А потом схватил ее за запястья и завел руки вверх, крепко держа их в таком положении. И взял ее - грубо, дерзко. Наверное, впервые в жизни Ник потерял столь ценное им самообладание, и в этой потере тоже таилось удовлетворение, дотоле не познанное.

Их дыхание постепенно выравнивалось. После яростной любовной атаки Ника Рейн, утомленная, уснула. Ее губы были приоткрыты, густые черные ресницы - два дивных веера - слегка подрагивали во сне, одна щека покоилась в колыбельке-ладони. Ник не мог оторвать от нее глаз. В его взгляде были нежность, любовь и... горечь.

Со вздохом он нежно и благодарно поцеловал Рейн, поправил одеяло. Полусонная, она повернулась на другой бок, слегка потянулась и, бормоча что-то невнятное, спрятала голову под одеяло.

Проснувшись, она обнаружила, что ее нос упирается в мускулистую грудь Ника. От соприкосновения с волосками ей захотелось чихнуть. Ее громкое «пчхи-и!» заставило его рассмеяться. Это был добрый смех - глубокий, мужской, он клокотал у него в груди.

Но ей не над чем было смеяться.

Отстранившись, она взглянула на него: на его лице она увидела царапины, под левым глазом начинал проявляться синяк, а на теле - красные следы от ее тумаков.

Проследивая ее взгляд, он сказал:

- Да... побаливает. - (Ее охватил стыд, лицо залила краска.) - Но не вини себя. На то было много причин...

- Я глубоко сожалею, - извинилась она.

- Это означает, что ты намерена прекратить боевые действия на период медового месяца?

- Здесь необходимо обоюдное решение.

- Буду счастлив установить перемирие. - Синие глаза пытливо заглянули в зеленые. - Ну что, мир?

Она понимала: перемирие совершенно необходимо.

- Мир, - согласилась она в надежде, что ей еще представится возможность перейти в наступление.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ник легонько коснулся ее губ, сказав при этом:

- Это поцелуй примирения... Не вставай, пока я не протоплю помещение.

Он раздвинул шторы - день был прекрасный - и занялся камином. Когда в нем снова затеплился огонь, Ник подошел к окну.

В лучах яркого солнца его нагая фигура казалась бронзовой.

Рейн поймала себя на том, что любит тело Ника. Классическая красота его форм завораживала, у нее мгновенно пересохло горло, в чреслах возникло непонятное напряжение.

Когда он обернулся и улыбнулся, она заметила:

- Хорошо, что у нас нет соседей. Ник хихикнул.

- Поблизости нет. Но на той стороне озера живет очень милая пара: Курт и Лизбет Дуди. Если они узнают, что мы здесь, то непременно приплывут сюда, чтобы познакомиться... Или мы сами можем навестить их после завтрака. Не против?

Она пожала плечами:

- Если тебе так хочется...

Заметив, что она произнесла это без особого энтузиазма, он сказал:

- Но это совсем не обязательно, я просто предложил... Есть какие-нибудь пожелания относительно сегодняшнего дня? Может, просто прогуляемся? На каноэ? - Она лениво потянулась, а Ник добавил: - Если, конечно, тебе не хочется провести день в постели...

- Нет-нет, прогулка на каноэ - это то, что надо!

- Что ж, пожалуй...

Ник взял одежду и направился в ванную. Затем Рейн тоже приняла душ, и они уселись перед камином и стали с жадностью поглощать консервированные сосиски, бобы, ломтики ароматного черного хлеба. Завершили трапезу горячим кофе и холодным яблочным пирогом.

- Ну, теперь ты готова к обещанной прогулке?

Не уверена, что вообще могу сдвинуться с места.

- Пойдем, ленивица, - он помог ей подняться. - Я попытаюсь выбрать маршрут, где поменьше грязи, но все равно нужно надеть резиновые сапожки, они здесь имеются.

Следуя совету Ника, она натянула резиновые сапожки, теплую фуфайку, подпоясалась оранжевым поясом и нахлобучила на голову такую же ярко-оранжевую шапочку.

- Ну, вот это другое дело.

Прогулка вдоль озера доставила им истинное наслаждение. Погода после вчерашнего ненастья радовала ярким солнцем и отсутствием ветра.

Остановившись, Ник обнял Рейн за талию и, привлекая к себе, указал другой рукой на противоположный берег озера:

- Вон там, видишь?..

Из трубы приземистого домика, едва различимого вдаль, курился голубоватый дымок. Она кивнула.

- Это домик четы Дуди.

Скорее из учтивости Рейн поинтересовалась:

- Они живут здесь постоянно? - А про себя подумала: «Неужели такое возможно?..»

- Да. Уже несколько лет. Курт - писатель, а Лизбет держит лошадей. Иногда я принимаю их предложение прокатиться... Ты умеешь ездить верхом?

- Ну, я не очень хорошая наездница. Время от времени мы с Марго предпринимаем верховые вылазки, но это несерьезно.

- Завтра, если погода будет хорошей, мы можем проехать до озера Саскис - там есть бобровая запруда. Вдруг посчастливится увидеть его обитателей...

- О, мне бы очень хотелось!

- Тогда после завтрака я съезжу к Дуди и возьму пару лошадей. - Он слегка наклонился вперед, его прохладная щека коснулась ее щеки. - И если тебе нравится идея, мы устроим пикник прямо в седлах.

- Это будет прекрасно!

Рейн удивлялась: как Нику удастся воздействовать на нее с такой силой? Он подчинил ее с небывалой легкостью - словно паук попавшую в паутину муху... Хотя сравнение нелепое...

Стоило ей задуматься, как она споткнулась о корягу - Ник вовремя подхватил ее, предупреждая падение.

Они остановились, перевели дыхание, она осмотрелась. На иголках сосновых и еловых лап дрожали бриллиантовые капельки влаги. Голубое небо отражалось на гладкой поверхности озера.

- Как тут красиво! - воскликнула Рейн.

- Да, пейзаж потрясающий! Финн и я плавали здесь, когда были еще мальчишками...

- Финн... - эхом повторила она, - какое необычное имя...

- Да он и сам необычный человек. Умница, талантище... Ему под силу любое дело. Финн говорит на нескольких языках, превосходно играет на фортепьяно, опытный врач. Но вот,

оставив все это, он вошел в мой бизнес. Его семья принадлежит к первым переселенцам из Швеции, обосновавшимся в штате Мэн, а затем в Бостоне.

- Насколько я понимаю, вы росли вместе?

- Мы по-прежнему как братья. Андерсоны, помимо того что наши соседи, всегда оставались добрыми друзьями, и мы всегда вместе проводили каникулы. В те далекие дни они снимали развалюху неподалеку отсюда. Но Финн обычно жил у нас. И моя мать разрешала нам спать на веранде, даже невзирая на то, что в округе было полно медведей.

Внезапно Рейн поймала себя на мысли, что ей приятно слушать его воспоминания. Узнавая больше о Нике, она начинала лучше понимать его характер, в ней пробуждалась симпатия к нему.

- Она позволяла нам самим готовить на костре, - продолжал Ник. - Мы поджаривали сардельки, варили бобовую кашу... Когда умерла моя мать, Инга Андерсон взяла меня под свое крыло...

- И сколько тебе тогда было?

- Одиннадцать. Сложный, смутный возраст. Но Инга, кажется, понимала, что я чувствую. Она окружила меня вниманием, заботой и такой же любовью, какую дарила своим детям.

- Сейчас эта женщина жива? - поинтересовалась Рейн.

Ник помрачнел.

- Она и ее муж Нильс погибли во время дорожной катастрофы полгода назад. - Было очевидно, что он все еще чувствовал их утрату. - Финну пришлось тяжело, но он... - Его слова потонули в рокоте мотора самолета.

Оба взглянули вверх. Белый самолет с оранжево-голубой маркировкой парил почти над их головами.

Ник помахал рукой.

В ответ машина качнула крыльями.

- Как говорится, легко на помине, - усмехнулся Ник.

- Это Финн?

- Конечно, Финн.

- Как он узнал тебя?

- Я перед отъездом оставил записку, что собираюсь поехать сюда.

- О-о-о...

- Он перевозит двух специалистов в лагерь на озере Лум, - пояснил Ник, когда самолет скрылся из виду. - Они заночуют там, а завтра Финн будет лететь обратно. Вполне возможно, что навестит нас.

Рейн закусила губу. Она не очень была расположена видеть кого-либо здесь.

- Ты, кажется, не слишком рада? А мне показалось, что Финн тебе понравился.

- Да, понравился. Он понравился и Марго, - добавила она с еле заметной улыбкой. - Хотя я не совсем уверена, что он в ее вкусе.

- А какого типа мужчины в ее вкусе?

- Ей нравятся «крутые», как теперь говорят. Их она готова уважать, им готова подчиняться. Однако ей все время попадаются на пути тихие, сентиментальные. Как Финн.

Ник удивленно вскинул брови.

- Я думаю, ты неверно оцениваешь Финна. Он может быть чувствительным, но в твердости характера ему не откажешь. Он гораздо жестче, чем кажется. Если бы мне пришлось туго (ну, предположим), то надеяться я мог бы только на него...

- А какие женщины нравятся Финну? - В ее голосе сквозила заинтересованность.

- Марго вполне могла бы составить ему пару. Финну претят пустоголовые прилипалы. Он однажды заметил, что если женится, то на такой женщине, которая в трудную минуту стояла бы рядом и не дрогнула бы перед любым испытанием. Финн способен защитить, и еще он способен на глубокие чувства...

О, счастливая, счастливая Марго, подумала Рейн. Однако все еще так зыбко в их отношениях...

Когда они вернулись, Ник приготовил на ланч блинчики и подал к ним брусничный сироп. Рейн съела несколько штук с отменным аппетитом.

Когда выпили кофе, Ник положил в камин поленья, сделав заготовку к вечеру. Теплому, уютному вечеру. Затем он поинтересовался:

- Как насчет того, чтобы покататься на каноэ вокруг озера? Или ты хотела бы остаться дома? Тогда давай поиграем во что-нибудь.

На книжной полке рядом с книгами находились коробка с лото, шахматы, набор игральные карт, еще какие-то игры.

Однако его лукавый взгляд не оставлял сомнений в том, какую игру он имел в виду. Она поспешила ответить:

- Да, конечно, давай прокатимся на каноэ.

В предыдущий приезд сюда Ник научил Рейн, как правильно балансировать на лодке и как гребти веслами с широкими лопастями.

Они опять оделись по-спортивному. Она натянула поглубже вязаную шапочку, а Ник на этот раз был без головного убора. Он сел впереди: широкая, мужественная спина; ей захотелось прикоснуться к нему, пробежать пальцами по густой шевелюре, перебрать завитушки на затылке.

- Готова к отплытию? - бросил Ник через плечо.

- Да, - последовал ответ.

Старательно огибая скалистые береговые участки (особенно там, где образовались вымоины при впадении ручья в озеро), Ник опять вспомнил:

- Однажды Финн и я на самодельном плоту спустились по ручью к озеру...

Вокруг простиралась безмятежная гладь озера. Слышалось лишь ритмичное плюханье весел. Рейн наслаждалась покоем. Все вообще было бы прекрасно, если бы не надоедливая, зудящая мысль о приближающейся ночи.

Но к чему лукавить перед собой? Она хотела его. Хотела все сильнее. И мучилась от этого желания. Ее воображение с легкостью рисовало невероятные эротические картины, а тело жаждало прикосновений сильных рук Ника.

Он оглянулся.

Рейн прикусила губу и отвела глаза в сторону: она боялась, что Ник разгадает ее тайные помыслы.

Он испытующе вглядывался в нее. Потом спросил:

- Я вижу, ты взволнованна. Тебя что-то беспокоит?

- Нет, я... я просто задумалась, представила, как вы с Финном плавали здесь мальчишками. Это ведь было довольно опасно?

Он, кажется, поверил ее уловке.

- Да нет, не очень. Зато интересно!

Тут днище каноэ чиркнуло о камешки прибрежной отмели, и они отложили в сторону весла. Ник проворно выпрыгнул из лодки, подал ей руку. Оказавшись на берегу, Рейн посмотрела на озеро. Над ним начал сгущаться туман. Где-то крикнула утка, в воздухе сильнее запахло сыростью, хвоей. Так незаметно наступили сумерки. И ночь неотвратимо приближалась...

Рейн слегка передернула плечами, а Ник, не говоря ни слова, принялся подтаскивать каноэ ближе к дому, на специально сооруженный деревянный помост. Покончив с этим занятием, он стал носить дрова в дом и аккуратно складывать их у камина. Рейн на какое-то время была предоставлена самой себе. Найти бы сейчас ключи от машины, подумала она.

Сердце так и прыгало - ни дать ни взять воровка. Она судорожно обшарила карманы его брюк, куртки. Нашла лишь кошелек, запечатанное письмо, свернутый вчетверо платок, перочинный нож, расческу, ключи от дома, пачку долларовых купюр и мелочь.

Должно быть, Ник держит ключи при себе...

Досадуя на то, что из ее задумки ничего не вышло, Рейн решила заняться приготовлением кофе.

Когда Ник в очередной раз вошел с огромной охапкой поленьев, она доложила:

- А я сварила кофе.

- Подержи на медленном огне, я сперва приму душ. - Повесив на крючок свою черную кожаную куртку, он исчез в ванной.

Да это же та самая кожаная куртка, в которой он был накануне вечером! Затаив дыхание, она поспешила ощупать карманы, и в одном из них звякнули ключи.

Неужели ей улыбнулась удача? К ключам она получила неожиданную награду - ее водительское удостоверение и бумажник.

Быстро рассовав все найденное по карманам, Рейн надела старенькие туфли, накинула куртку и, подхватив сумку, торопливо вышла. Она старалась действовать бесшумно. Не чувствуя земли под ногами, мышкой проскользнула по веранде, слетела вниз по ступенькам и опрометью кинулась к автомобилю. Дул сильный ветер, и шел дождь.

Она даже не представляла, как сможет управлять в кромешной темноте, но не ждать же до утра! Ничего, у автомобиля хорошие фары, лишь бы успешно пересечь Совиный ручей и выехать на просеку - худшее тогда останется позади, убеждала она себя.

Впопыхах Рейн уронила ключи в грязь. На поиски ушло несколько драгоценных минут. Оказавшись наконец в салоне, она осторожно прикрыла дверцу. Трясущимися руками включила зажигание.

Мотор медленно заработал. Она вздохнула с облегчением, но тут дверца резко распахнулась - перед нею стоял Ник. Он был в одних брюках, на шее - полотенце.

- Куда-то собралась? Она застыла.

Ник выключил зажигание, вынул ключи. Еще секунда - и он бесцеремонно (даже грубо!) выволок ее из машины, препровождая к дому; его пальцы больно вонзились в руку.

Свет поначалу ослепил глаза. Ник тем временем захлопнул дверь, задвинул все засовы и вдобавок повернул ключ в замочной скважине. Рейн вся обмякла, ею овладела апатия.

Когда их взгляды пересеклись, она увидела, что он взбешен.

- Какой черт тебя мучит? Интересно, каким образом ты собиралась искать дорогу в кромешной темноте?

- Но ты же нашел, - выдохнула Рейн.

Нашел потому, что знаю здесь каждый поворот, каждое дерево. - Он угрожающе приближался к ней, она собрала остатки храбрости, чтобы не отступить. - Ты хотя бы соображаешь, какому риску подвергала себя? - Он сорвал с нее куртку, отбросил прочь сумку.

- Я не боюсь испытаний...

- Глупая! Разве не видишь, что непогода разыгралась? А если бы ты свалилась с моста? Если бы застряла где-нибудь в непролазной жиже? Что молчишь? Ну да, ждала бы на подмогу охотников! Дождалась бы! Многие из них хорошие люди, но и подлецы здесь не редкость - полно желающих попользоваться одинокой женщиной. А могли бы и просто надругаться. Ты хоть это понимаешь? - Ник прямо-таки клокотал от гнева. - Похоже, самое время преподать тебе урок, который ты не скоро забудешь!..

Напуганная его яростью, угрозами, она пустила в ход единственный козырь:

- Ну что ж, преподай! Почему бы и нет?! Ведь ты сильный, остановить тебя некому.

- Да-да, мне, вероятно, придется показать тебе, что могло бы произойти... - Он взял Рейн за рубашку и так рванул, что все пуговицы посыпались на пол. А на ее испуганный крик прореагировал следующим образом: - Если не хочешь, чтобы я так же обошелся с другими предметами твоей одежды, снимай с себя все, да поживей!

Ненавижу! - Она плюнула в его сторону и трясущимися руками принялась исполнять приказ.

Ник дерзко сорвал с нее нижнее белье и, когда она осталась в чем мать родила, грубо повалил на разостланный на полу коврик; не оставалось никаких сомнений, что он намерен взять ее силой и преподать наглядный урок - как это могло бы произойти.

Ее дыхание участилось, стало тяжелым, а пульс, казалось, разрывал вены. Но она не сделала попытки сопротивляться. Зачем? Какой смысл? Пусть ухнет насильем! Пусть насладится!

Ник, посмотрев на ее лицо, сказал:

- Нет, я передумал. Чем насиловать тебя, я применю другую тактику: мне больше по душе, когда ты отдаешься сама. Сейчас посмотрим, милая женушка, сколько понадобится времени, чтобы довести тебя до нужной кондиции.

Она не проронила ни звука.

Кончиком языка он очертил линию вокруг ее рта, затем наткнулся на сомкнутые губы, раскрыл их, проник внутрь.

Она издала гулкой гортанный вскрик, после которого его поцелуй стал воздушнее, чувственнее. Ее губы дрогнули, ослабли, не выдержав натиска. Ник прошептал:

- Не думаю, что понадобится много времени...

Он не прекращал своих ласк до тех пор, пока не почувствовал, что она сдается, уступает, что вся уже горит желанием. И, стремясь утолить его, он овладел ею. Ритмичные движения Ника вызывали у Рейн сладостный восторг. Он желанный, желанный, желанный, пульсировало у нее в голове.

Искусный любовник, Ник быстро привел свою партнершу к вершине сексуального наслаждения. Их тела, достигнув пика, конвульсивно дернулись и застыли в изнеможении.

Потом Рейн долго лежала с закрытыми глазами, истощенная эмоционально и физически. Ник же, натянув на себя одежду, куда-то ушел. На кухню, догадалась она, поскольку вскоре оттуда послышался стук крышек.

Она встала и направилась в ванную. Приняв душ, надела на себя то, что было на ней прежде: рубашку с оторванными пуговицами, тот же бюстгальтер. Может, ему станет стыдно за свое поведение? Когда она неспешно появилась из ванной, он окинул ее взглядом с головы до ног и приказал с холодной надменностью:

- Иди сюда!

Она знала, что следовало бы не повиноваться, но ноги сами сделали несколько шагов ему

навстречу.

У Ника был вид порабощенного, захватчика, триумфатора, он снисходительно прикоснулся своими губами к ее губам.

Отпрянув, она горестно спросила:

- Еще один поцелуй примирения?

- Это ты нарушила перемирие. Но, к счастью, война окончена, и мир будет долгим.

Рейн гневно взглянула на него. Если он действительно так думает, то напрасно... Он лишь разжег пламя вражды.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Хотя всю ночь шел дождь и небо было затянуто тучами, к утру погода установилась. Утром, когда Ник раздвинул занавески, яркие лучи света озарили комнату.

- Идеальный день для верховой прогулки на озеро Саскис, - заметил он. - После завтрака я уложу с собой все, что мы обычно брали с Финном для пикника.

- Ты полагаешь, Финн заедет сюда?

- До ланча он будет еще на озере Лум. Потом, может, заглянет.

Когда они поели и еда для пикника была уложена, Ник предложил:

- Если ты хочешь поехать к чете Дуди, то лучше отправляться сразу.

- Ну, я... - Она остановилась взглядом на его поцарапанных щеках.

- Ах, это!.. - Ник коснулся покрасневшей отметины.

- Да, что они подумают?

В его взгляде мелькнула усмешка.

- Когда я скажу им, что мы проводим здесь медовый месяц, они решат, что у меня слишком пылкая жена... - Рейн покраснела, и это развеселило его. - Но если ты стыдишься показаться им на глаза, то я оставлю машину там и вернусь верхом. - Натянув куртку, он направился к двери.

Она тоже вышла. Ник уже сидел в машине.

- Я вернусь примерно через час, - сказал он, хлопнул дверцей и уехал.

Рейн смотрела вслед удаляющемуся автомобилю, пока тот не скрылся за деревьями. Ей не хотелось оставаться в доме. Накинув штормовку, она решила пройтись к воде.

Когда Рейн подошла к озеру, то увидела каноэ и в нем какого-то человека. Сама не зная зачем, она поприветствовала гребца.

- Привет тем, кто на берегу! - весело отозвался тот и стал грести в ее сторону. Скоро днище

его каноэ чиркнуло о прибрежную гальку. Он был молод: лет восемнадцати-девятнадцати. – У вас совсем не американское произношение, – заметил парень.

– Я англичанка, – сказала Рейн.

– Отдыхаете в этих местах?

– Ага. – Она махнула рукой, указывая на сруб: – Вон там. А вы?

Я второй раз путешествую здесь. Просто фантастическая красота! – Он вздохнул. – К сожалению, сегодня последний день. Через час я уеду.

– Вероятно, не на каноэ? – непринужденно спросила Рейн, а ее сердце подпрыгнуло от радости.

– У меня быстроходный грузовичок, припаркован в миле отсюда на одной из просек. Недалеко от вон той бухточки, – он указал на место, где ручей поворачивал так, что в самом деле возникала небольшая бухточка. – А теперь извините, мне нужно плыть. – Он начал отталкиваться от берега и будто между прочим добавил: – Мне еще нужно заехать за моей девушкой в Бангор. Если я опоздаю, мне несдобровать.

– Подождите! Пожалуйста, подождите! – взмолилась Рейн.

Парень озадаченно взглянул на нее.

– Что-то случилось?

– Да... Я... Мне совершенно необходимо добраться до Бангора, и как можно скорее. Пожалуйста, подвезите меня.

– Ну, допустим... Но разве у вас нет транспорта? Я же только что видел, как отсюда отъехал большой автомобиль.

Это машина моего... американского кузена, – на ходу соврала Рейн. – Он поехал навестить своих друзей. Вы знаете, это непростительная ошибка, что я позволила ему привезти меня в эту глухомань... И ее нужно исправить, мне необходимо немедленно убраться отсюда. – Парень был в явном замешательстве. Видя, что его взгляд прикован к ее руке с обручальным кольцом, она поспешно добавила: – Видите, я замужем. Я думала, что смогу доверять своему кузену, но, как только мы сюда прибыли, поняла, что у него коварные планы. Ни о какой платонической любви не может быть и речи... Начались приставания, понимаете...

– Вы что, недавно приехали?

– Да... сегодня утром, – снова соврала Рейн. Чувствовалось, что парень не хотел ввязываться в эту историю, он колебался. – О, пожалуйста, – продолжала она молить.

– О'кей, только вам самой придется добираться до грузовичка. Это меньше мили, если будете держать путь через лес. – Он указал, в каком направлении ей следует идти. – За срубом начинается узкая тропинка, которая ведет к мосту через ручей, как раз в месте его поворота. – (Ага, вспомнила она, это, должно быть, старый мостик, о котором упоминал Ник.) – Когда переберетесь через ручей, держите путь на выступ скалы с одиноко торчащей сосной. Там неподалеку и увидите мой грузовичок. Да, и обязательно наденьте что-нибудь яркое: сейчас сезон охоты. – Оттолкнувшись от берега, он начал грести. – Если не будете мешкать, то доберетесь раньше меня. Если же вас не будет, я решу, что у вас поменялись планы...

Спотыкаясь, Рейн бросилась к дому, где наспех подпоясалась оранжевым поясом и нахлобучила на голову оранжевую шерстяную шапочку.

Хотя тропинка была забросана ветками и палой листвой, двигаться по ней было довольно легко. Рейн бежала без остановки, опасаясь, что парень уедет без нее. Вскоре она расслышала шум бурлящего ручья и решила, что до мостика уже недалеко.

Но когда она наконец выбралась из леса, то, к своему ужасу, увидела, что бурный поток сорвал несколько бревен из настила – на их месте зияла огромная дыра, – а также сломал и покорежил перила. Мостик практически был разрушен.

Но ведь она не может вернуться назад!

Лишь только Рейн приблизилась к мостику, как услышала упреждающий окрик (кого – она не поняла). Однако, не обращая ни на что внимания, она прильнула к жердочке перил и начала медленно переправляться через ручей.

Рейн преодолела уже треть пути, когда послышался треск и вся конструкция накренилась под весьма опасным углом.

За секунду перед тем, как упасть в воду, будто в замедленной съемке она увидела Ника на лошади, но он почему-то поворотил прочь.

Нет, он не оставит ее, мелькнуло в голове. Не сможет...

Гвоздем в сознании засела одна мысль: ей надо продержаться, пока Ник не спасет ее.

В одежде и обуви она, конечно, не сможет плыть, но надо стараться, чтобы голова все время оставалась над водой...

А поток нес ее по течению все дальше. Мгновенно у нее в сознании промелькнуло описание Совиного ручья: течение по прямой, затем – резкий поворот, за которым начинаются камни. И тут она догадалась, почему Ник ускакал вперед: он решил перехватить ее в том месте, где ручей совершает поворот.

- Рейн!

Она повернула голову на крик и увидела Ника. Обнаженный до пояса, он ждал на повороте момента ее приближения. Еще до того, как она поравнялась с ним, он прыгнул в воду.

Мгновение – и крепкая рука схватила ее и с силой удержала. Теперь Ник плыл вместе с нею по диагонали, скорее используя поток, чем борясь с ним. Когда течением их вынесло к противоположному берегу, он успел ухватиться за свисающую ветку карликовой сосны и удержался, пытаясь нащупать ногами хоть какую-то опору. Второй рукой он приподнял Рейн так, что она почти вся оказалась на поверхности, но внезапный напор воды пошатнул его и отбросил на скалистый берег.

На какое-то мгновение она зависла над потоком, ухватившись за что пришлось, но сил укрепиться и подтянуться не было. Сознание работало судорожно, она отчетливо различила шум самолета у себя над головой.

- Держись, черт тебя подери! – крикнул Ник. – Если ты соскользнешь вниз, я уже не смогу тебя подхватить!..

Готовая повиноваться, она ухватилась за ближайший каменистый выступ и попыталась подтянуться; ей удалось с трудом выползти на берег. Теперь она ждала, когда выберется Ник.

Он все еще держался за ветку сосны правой рукой, в то время как левая искала и не находила, за что же можно зацепиться. Его лицо побледнело, на виске кровоточила ссадина.

Рейн подползла к нему и обеими руками цепко ухватилась за его левое запястье, – Отпусти руку, глупая, – каким-то неестественным голосом промычал Ник. – У тебя не хватит сил, чтобы вытащить меня... Ты рискуешь своей жизнью... Оставь меня...

Но он бы не оставил ее! Лучше умереть вдвоем, чем остаться без него, мелькнуло в голове Рейн.

Но еще лучше обоим остаться в живых!..

Собрав последние силы, она стала отчаянно кричать, звать на помощь, хотя понимала, что это совершенно бесполезно: ведь вокруг ни души.

При этом Рейн мертвой хваткой продолжала держать запястье Ника.

– Не выпускай!

Неужели послышалось?! Нет, действительно кто-то кричал! А может, галлюцинация?..

– Не выпускай! – опять услышала она, и это придало ей сил.

Мгновение – и какой-то мужчина растянулся рядом с ней и без промедления схватился за руку Ника повыше локтя.

– Можешь отпустить! – прозвучала команда.

Она не без усилия разжала пальцы: они будто примерзли к запястью Ника.

– Финн? – прозвучал удивленный вопрос Он самый, старина, – последовал ответ, а дальше – четкая команда для Рейн: – Веревка рядом. Пропусти концы под его плечами и закрепи возле ближайшего дерева!

Рейн бросилась ее исполнять, хотя пальцы повиновались с трудом.

– Что дальше?

– Опять держи Ника... – Рейн снова вцепилась в запястье Ника. Как только Финн убедился, что она держит надежно, он быстро обвязал оставшимся у него концом веревки руку Ника. – Не знаю, в состоянии ли он сам двигаться, но сейчас нужно вытянуть его из воды.

Опершись о каменный выступ, Финн стал тянуть, Рейн помогала ему изо всех сил. Через считанные секунды Ник оказался на берегу.

Финн тут же склонился над ним, обследуя раны, ушибы.

– Ну как он? – прошептала Рейн, тоже наклоняясь к Нику.

– Могло быть и хуже, – ответил Финн. – Он ударился головой о каменный выступ и, видимо, от этого потерял сознание. Вывихнут плечевой сустав. Много ссадин на груди. Не исключено, что

повреждены и ребра... Но он не слабого десятка.

Ник простонал:

- Спасибо, - и чуть-чуть приподнялся. Лицо у него было сероватого оттенка, и из раны на виске продолжала сочиться кровь, но он, кажется, приходил в сознание, постепенно оправлялся от шока.

Остановив взгляд на Рейн, Ник с усилием спросил:

- Ты как себя чувствуешь?

- Со мной все в порядке, - заверила она, - и опасность миновала.

- Действительно все в порядке? - поинтересовался в свою очередь Финн.

- Да-да, все в порядке.

- Ну, в таком случае двинемся потихоньку вперед, старина. - Финн отвязал веревку от руки Ника и помог ему подняться. - Нам нельзя допустить переохлаждения.

Но ведь мы находимся на противоположной стороне ручья, - заметила Рейн. - Как же мы сможем перебраться через разрушенный мост?..

Финн тряхнул головой.

- В этом нет необходимости. К счастью, самолет близко. - (Она припомнила, что слышала шум мотора.) - Я кружил в поисках местечка, где бы сесть, и увидел вас. Самолет здесь, неподалеку.

Через несколько минут они его увидели. Машина стояла посреди грязной дороги, дверца открыта - все свидетельствовало о поспешности, с какой Финн устремился на помощь.

Рейн забралась в салон, затаилась на сиденье, чувствуя укоры совести: ведь только она одна виновница происшедшего. Финн помог Нику сесть в кресло и ободряюще сказал:

- Ну вот, через несколько минут будем на месте.

Уже в доме Финн налил бренди в три стакана и протянул один из них Рейн со словами:

- Выпей до дна - и быстро в горячую ванну! Ника я разотру здесь перед камином и сменю ему одежду.

Когда минут пятнадцать спустя она появилась из ванной, мужчины были уже переодеты (Ник оставался без рубашки) и на столе дымился кофейник.

Ник значительно приободрился, сероватый оттенок лица исчез, и, хотя по складкам у рта можно было догадаться, что он страдает от боли, его глаза опять ожили и засверкали.

Ей захотелось обнять его, прижать к себе, разрыдаться и тем самым облегчить свое сердце. Но он смотрел на нее как на незнакомку.

- Чувствуешь себя лучше? - спросил Финн.

Гораздо лучше, – улыбнулась она ему. Открыв сундучок первой помощи, Финн принялся обрабатывать раны и ссадины Ника. Сделал пальпацию.

– Так, нужно скорее вправить плечо, – пробормотал он. – Может, отвезти тебя в Бангор?

– Ты ведь и сам умеешь вправлять суставы, – напомнил ему Ник.

Финн был в нерешительности. Он не знал, как поступить.

– Могу я чем-нибудь помочь? – спросила Рейн.

Перехватив ее обеспокоенный взгляд, Финн вздохнул:

– Видимо, да. Хорошо, что ты не неженка. – Подняв левую руку Ника так, что та оказалась на одном уровне с плечом, он проинструктировал: – Необходимо подержать руку в таком вот положении, никуда не двигая.

Рейн замерла, как показал Финн. Он тем временем встал за спиной Ника и приложил ладонь к его мускулистому плечу.

В следующее мгновение Финн сделал неожиданно резкий рывок.

Рейн услышала глуховатый щелчок – кость встала на место.

При этом Ник не проронил ни звука, хотя от боли у него выступила испарина на лбу и верхней губе.

Она сгорала от желания промокнуть этот пот, причем сделать это с почти материнской нежностью...

На спинке стула висела сине-зеленая просторная рубашка, которую Рейн помогла надеть на Ника. Она по-прежнему избегала его взгляда, да и он, видимо, тоже.

Затем он одной рукой заправил рубашку в брюки, а Финн сделал перевязь из хлопчатобумажной ткани.

Когда первая помощь была оказана, Финн сказал своему пациенту:

– Теперь расслабься и приляг. – Потом он подмигнул Рейн и добавил: – Может быть, это единственный раз, когда я даю указания своему патрону.

Ник, однако, сел в одно из глубоких кресел и недовольно буркнул:

– Так мне гораздо удобнее.

Ах, неблагодарный, – вкрадчиво упрекнул Финн и сунул ему в руку пару таблеток: – В ближайшие два дня тебе непременно нужно принимать обезболивающее. Думаю, когда эти две таблетки подействуют, тебе все-таки следует лечь. – Он улыбнулся Рейн: – Тем временем я сварю кофе, и вы расскажете мне, что же произошло.

Ее горло перехватил спазм. Она с трудом сглотнула и ответила:

– Я еще не поблагодарила тебя...

- Не стоит об этом, - отмахнулся Финн.
- Но ты фактически спас Ника.
- Нет, это ты его спасла. Если бы ты не вцепилась в него мертвой хваткой, его бы унес поток. Ты проявила выдержку.
- Но я бы никогда не смогла вытащить его. Твое появление - просто чудо...
- О Боже, дай мне силы, - еле слышно проговорил Ник. - Как раз мне следовало бы благодарить вас обоих. И я готов начать, лишь только окончательно оформится ваше Общество Взаимного Благодарения.

Напряженность была взорвана громким хохотом.

Потом они сидели и пили кофе.

- Кто-нибудь наконец расскажет мне, как все произошло? - нарушил молчание Финн.

Ник нехотя начал:

- Мы планировали съездить верхом на лошадях на озеро Саскис, и поэтому я отправился к чете Дуди взять напрокат пару гнедых. Рейн пошла прогуляться. Когда я возвращался назад, то заметил, что она пытается перебраться через ручей. Но старый мостик вот уже лет сто как прогнил... Зная это, я ее окликнул...

Неужели Ник действительно подумал, что она просто прогуливалась? Нет, конечно же, нет! Должно быть, он догадался, куда она так рвалась...

- ...но было слишком поздно, - продолжал Ник. - Да, теперь самое время кому-нибудь из вас отвести лошадей обратно на ферму.

Финн поднялся.

- Намек понял. Хотя должен заметить: если бы вы следовали правилу всех новобрачных и подольше оставались в кровати, этого делать бы не пришлось. - Он ловко уклонился от полетевшей в него диванной подушечки. - Несмотря на то что ты хорохоришься, еще могут проявиться последствия шока, поэтому вам обоим следует отдохнуть. Это предписание врача.

Когда за ним закрылась дверь, в гостиной вновь установилась напряженная тишина. Долго выдержать это Рейн не могла.

- Ник, извини, - произнесла она хриплым голосом.

- За что? - Он даже не взглянул в ее сторону.

Из-за моей тупости ты чуть не лишился жизни.

- Мы оба чуть не погибли, - устало поправил он. - Господи, какое же отчаяние должно было толкнуть тебя на эти прогнившие бревна?! Это же сродни самоубийству!..

Нет! - резко выкрикнула она. - На такое я бы никогда не решилась! Я пыталась перебраться через ручей, потому что, понимаешь... - Она рассказала ему о парне на каноэ и, видя меняющееся выражение его лица, поспешно добавила: - Только ты ничего такого не подумай...

У него девушка в Бангоре...

- Да, похоже, ты не задумываясь сбежала бы с любимым, - угрюмо заключил Ник. - Должно быть, ты действительно сильно ненавидишь меня, если подвергаешь себя такому риску...

Что было ответить? Убеждать, что она не испытывает ненависти? Но ведь она заставляла себя ненавидеть Ника, всячески настраивала себя против него! Только близость смерти показала ей, сколь бесценна жизнь - особенно его жизнь! Выходит, не ненависть, а любовь? Да, любовь к нему сильнее всего!

- Нет, Ник, я...

Его губы были плотно сжаты, он отрицательно мотнул головой и с горечью произнес:

- Ты неоднократно повторяла мне: «Ненавижу!», а я просто отказывался верить твоим словам...

- Но я не испытываю ненависти к тебе...

- Какой смысл отрицать это, Рейн? Только потому, что ты думаешь, будто я спас тебе жизнь? В конце концов, если бы между нами все было хорошо, ты бы не рисковала, не спасалась бегством от меня... А сейчас, мне кажется, нам лучше отдохнуть. Пора последовать предписанию врача.

- Вероятно, ты прав: нам обоим следует отдохнуть, - согласилась она.

Вот и хорошо. Ты ложись здесь, в гостиной, поскольку тут теплее, а я пойду лягу в спальне.

Опешив от его столь неожиданного решения, она тупо наблюдала, как Ник удаляется в спальню и закрывает за собой дверь. Как же он должен презирать ее!

Укоры совести не давали ей покоя. Неужели между ними все настолько плохо? Неужели им остается лишь вражда?..

Рейн едва удержалась, чтобы не последовать за Ником, оправдаться перед ним, раскаяться.

Но было совершенно ясно: в данный момент он не нуждается в ее присутствии, тем более в раскаяниях...

В голове у Рейн все смешалось. Она ощутила себя никому не нужной и, забравшись в постель, долго не могла уснуть.

Рейн пробудилась, когда Финн уже вернулся. Он и Ник сидели у камина, о чем-то вполголоса переговариваясь. Перед ними была разложена еда, приготовленная раньше для пикника. Внезапный голод дал о себе знать, и Рейн, одевшись, подошла к ним.

Мужчины восприняли ее появление несколько настороженно.

- Можно? - Рейн потянулась к кусочку черного хлеба, затем к нарезанной ветчине.

Финн привстал.

- Принести вилку?

- Предполагается, что это пикник, не так ли? - непринужденно ответила она.

- Да, конечно.
- Тогда я предпочту брать пальцами, как остальные.

Воцарилась неловкая тишина. Финн спросил:

- Хорошо отдохнула?
- Как никогда... А тебе удалось беспрепятственно доставить лошадей?
- Да, все нормально. Я рассказал о происшествии, и миссис Дуди выразила сочувствие. Она приглашает навестить ее на днях.

Понимая, что что-то не так, Рейн перевела дыхание.

- Я ей очень признательна. Возможно, - она обратилась к Нику, - когда твое плечо заживет, мы могли бы...
- Мы здесь не останемся, - бесцеремонно прервал он. - Во всяком случае, ты.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Казалось, кто-то сильный, безжалостный зажал в тиски ее сердце. Вон оно что! Он решил позволить ей уехать. Но почему? Не почему? Не потому ведь, что она ему больше не нужна - конечно, нет, - тогда почему? Пусть он скажет!

- Ник, я... - начала Рейн.
- Извините, я отлучусь на минуту. - Финн встал. - Пойду взгляну, какая погода.

Когда за ним закрылась дверь, Ник произнес:

- Сейчас ты упакуешь вещи и сядешь в самолет. Финн доставит тебя в Бангор и проследит, чтобы не было задержки с вылетом в Бостон.

С трудом сохраняя спокойствие, она ответила:

- Очень мило с его стороны. Но как же ты?
- Я останусь тут на день-другой, пока не подживет плечо... Конечно, если ты не возражаешь, Финн будет счастлив быть твоим спутником до Бостона.
- А кто был инициатором такого предложения? Ты или он?
- Я, - буркнул Ник.
- Тогда позволь мне на правах жены высказать свое мнение на этот счет, хорошо? Это самое оскорбительное предложение, какое я когда-либо слышала! Я не желаю возвращаться в Бостон! Тем более в сопровождении! Как известно, место жены возле ее мужа...

Мгновение спустя хлопнула входная дверь. Финн доложил:

- Погода для взлета прекрасная.

Рейн твердо заявила ему:

- Я никуда не намерена лететь, Финн! Жаль, что тебе пришлось меня ждать...
- О, ничего страшного. Я предупреждал Ника, но он настаивал...

Поймав взгляд Ника, она с вызовом повторила:

- Я никуда не полечу!
- Ну что ж, пусть будет по-твоему. Надеюсь, ты не передумаешь, когда уйдет Финн. А сейчас не сможешь ли встать своему увечному мужу?

Она подала ему руку, помогла встать на ноги.

Ник дружески хлопнул Финна по плечу:

- Всегда будем рады видеть тебя, прилетай, как только сможешь вырваться.

Самолет поднялся в воздух, оставив внизу двух машущих ему людей.

Когда он скрылся из виду, Рейн быстро взглянула на Ника. Лицо его было бесстрастно, глаза полуприкрыты. Наверняка готовится к объяснению, подумала она. Возмездие неотвратимо – это совершенно очевидно. Они зашли в дом. Ник закрыл входную дверь на замок.

- Зачем ты запираешься на все запоры среди дня? – спросила она с придыханием.
- Чтобы нам никто не мешал.
- Но не для того, чтобы заточить меня?

Он ухмыльнулся.

- Не думаю, что тебя удержат мои запоры. Ты уж себя показала, дорогая. Кажется, остаться – твое решение? – Взяв Рейн за руку повыше локтя, Ник привлек ее к себе и поцеловал. – Не жалеешь, что не полетела с Финном?
- Нет, мне действительно хотелось остаться.

Ник выглядел уставшим, вокруг рта прорезались складки. Только сейчас ее посетила мысль, что страдает не одна она – на его долю тоже выпали боль и страдания. Женщина, которую он любил, умерла, а та, которую он желал, чуть не погубила их обоих в стремлении покинуть его.

Они ужинали молча. Попытка Рейн завести непринужденный разговор не имела успеха.

И вот кофе допит.

- Я думаю, сегодня нужно лечь пораньше, – сказал Ник. – Ты первая примешь душ?..

Явно недовольная тем, что все получалось не так, как она хотела, Рейн прошествовала в ванную.

Она появилась в халате, туго подпоясанная, он же как заколдованный стоял и смотрел на языки пламени, бессознательно потирая локоть вывихнутой руки.

Рейн едва сдержалась, чтобы не подойти к Нику и не обвить его шею руками.

- Твоя очередь, - пробормотала она.

Он вернулся минут через десять, то махровом халате.

Она сидела у камина. Вместо того чтобы присоединиться к ней, Ник направился в спальню и прикрыл за с дверь, которая, впрочем, тут же открыла он вышел с недовольным видом.

- Сама-то ты понимаешь, что творишь.

Она сделала невинные глазки.

- О, конечно же, нет...

- Тогда ты определенно напрашиваешь неприятность.

- То есть? Ты хочешь меня, да?

- Нет, Рейн, ты ошибаешься: я не хочу тебя.

На мгновение она онемела, затем бодро парировала:

- Я тебе не верю. Если ты не хочешь и, то зачем принудил выйти за тебя замуж?

- Вероятно, самое время показать тебе это. - Ник прошел к шкафу и вернулся с напечатанным письмом.

Она быстро надорвала конверт и, разве лист бумаги и узнав размашистый почерк, начала читать текст.

«Моя дорогая девочка, - писал отец, - пришло время сказать тебе правду... Ник обещал, что сообщит ее в самый нужный момент. Надеюсь, ты не будешь укорять меня за прошлое и согласишься с правильностью принятого решения: Кевин - не тот человек, который тебе нужен. Когда я осознал это, то стал искать всевозможные средства, чтобы разорвать вашу помолвку. Я понимал, что при твоём упрямстве мне надо действовать очень осторожно.

Я и Ник пошли на сговор. Поверь, мною двигало отчаяние, я никогда бы не простил себе, что позволил тебе выйти замуж за нелюбимого человека.

Ник пошел на сговор с явной неохотой. Результат его вполне устраивал, но средства к его достижению - нет. Думаю, он опасался, что ты возненавидишь его...

Он рассказал мне, что произошло между вами прошлой осенью.

Я бы и сам тебе все объяснил относительно Тины, но Ник строго-настрого запретил мне это делать. Ведь и у него есть гордость, я понимаю.

Но если любишь, то все простишь. Когда я увидел тебя в свадебном платье, то понял, что ты любишь его, и это успокоило меня. Я знаю, что и Ник любит тебя и сделает тебя счастливой.

Я тоже желаю тебе всегда только счастья, девочка моя.

Благослови тебя Господь!

Твой отец».

Рейн перечитала письмо дважды. Ах, папа, папа, мысленно повторяла она, не находя иных слов укора.

Ник выжидательно смотрел на нее.

- Как выглядело то соглашение, к которому вы оба пришли? - спросила Рейн.

- Разве дядя Ральф не написал об этом?

- Упомянул вскользь.

- Хорошо, объясняю: я согласился притворяться, что сделаю его банкротом, если ты не захочешь стать моей женой...

- Значит, дела отца не так уж плохи?

- Не настолько, чтобы паниковать.

- И ты не владеешь нашей усадьбой?

- Нет.

- Зачем же надо было так жестоко шутить?

- Идея принадлежала твоему отцу. Он чувствовал, что мне не по нутру видеть тебя замужем за Кевином. - Ник перевел дыхание. - Извини, Рейн, мне не хотелось причинить тебе боль. Однако я все еще продолжаю надеяться, что каким-то образом, может, благодаря чуду, между нами возникнут нормальные отношения... - Он подбросил пару поленьев в камин и заключил: - Теперь, мне кажется, тебе пора ложиться.

- А тебе?

- Я растянусь здесь, на диване.

- И что потом?

Если не возражаешь, мы можем отправиться в Бостон хоть завтра утром, а еще через сутки ты будешь в Англии.

- Ну а дальше что?

- Как только я переговорю с твоим отцом, сразу же вернусь в Штаты, предоставив тебе право как жене распоряжаться делами по своему усмотрению.

Она сделала усилие, чтобы не выдать волнения.

- Отец полагается на тебя в вопросах бизнеса? Это часть заговора?

- Ничего подобного! Он, конечно, поговаривал о том, чтобы отойти от дел и больше внимания уделять гольфу... Но у него есть на кого опереться - на тебя. Может быть, Финн появится в

Англии...

- Я бы не хотела уделять работе весь день. Я скорее хочу стать матерью, воспитывать детей, пока еще молода. - Она намеренно уколола его посильнее. - Мне нужен мужчина, с которым я могла бы быть счастлива.

Одно из поленьев вспыхнуло и внезапно ярко озарило их.

Ник процедил:

- Тогда лучший подарок от меня - развод.

- Но отец об этом не пишет. Хочешь прочитать? - Рейн протянула письмо и следила за выражением его лица. Когда он наконец оторвался от листка, она твердо заявила: - Мне не нужен развод, я согласна с отцом.

- Ты делаешь глупость, - оборвал он. жизни тебе нужно нечто большее, чем сильное физическое притяжение.

- Так и есть: я люблю тебя. Полюбила с первого взгляда и так и не смогла разлюбить...

Теперь настала его очередь сомневаться.

- Но когда я спросил тебя, любишь ли ты меня, помнишь, что ты ответила? Повторить?

- Не надо! Это говорилось в запальчивости. Я не могла поверить в искренность твоих чувств. Думала, попользуешься - и все. Но когда ты барахтался в ручье, я подумала: если он погибнет, я этого не переживу...

Никакого лукавства в словах.

Ник прижал ее к себе. Голова Рейн склонилась ему на грудь, две слезинки проделали свой путь по ее щекам. Ник бережно убрал их, потом сказал:

- Мне была ненавистна мысль, что ты выйдешь за Сомерсби!.. Хотя если бы... если бы я уверился, что ты любишь его, то не посмел бы вмешиваться в твою жизнь. Я бы отступил прочь... Я бы ждал. Ждал, пока ты не осознаешь ошибку. И хоть ты повторяла, что я тебе ненавистен, я продолжал тешить себя мыслью, что ты говоришь это шутя...

- Нет, я не шутила. Я скорее боролась сама с собой: ненависть возникла, когда я узнала о твоей помолвке с другой женщиной.

- Бедняжка Тина, она была такая...

Рейн приложила палец к его губам:

- Я не желаю слушать о Тине. Все в прошлом. Для меня сейчас важно настоящее и то, что ты любишь меня.

Он поцеловал ее ладонь и все-таки продолжил:

- Благодарю тебя, что ты не терзаешь меня вопросами о Тине, но я просто вынужден кое-что рассказать тебе. Тина, или Кристина - таково ее полное имя, была сестрой Финна. - (Ах, так вот почему ей показалась знакомой его улыбка, подумала Рейн.) - Она была младше его на три

года, мы росли вместе. Я всегда относился к ней как к сестре, но с шестнадцати лет она стала вести себя весьма странно по отношению ко мне. Финн утверждал, что Тина видела во мне своего кумира.

Когда я учился в колледже, она утратила интерес к моей персоне, но позднее обнаружилось, что ее восхищение мною осталось прежним – просто она научилась искусно скрывать это.

Я уже говорил, что старшие Андерсоны погибли в автокатастрофе. Ну так вот, после этого Тина заболела. Тесты показали раннюю онкологию. Видимо, потеря родителей явилась для нее сокрушительным ударом. Зная, что Тина питает ко мне глубокую симпатию, Финн просил меня дать ей хоть какой-нибудь шанс, надежду на будущее. Так вот и возникло мое Г предложение руки и сердца. Я подарил ей обручальное кольцо.

А через несколько дней после этого явилась ты – та женщина, которую я ждал всю жизнь. Когда я пригласил тебя с собой, то не предполагал, что настолько потеряю голову...

Тина вернулась на день раньше, я не смог объясниться с тобой – в общем, дальше все смешалось... Я приехал в аэропорт, когда твой самолет уже взлетал в небо...

Тина продолжала ездить сдавать анализы в известную клинику. Они подтверждали, что болезнь прогрессирует. Тина попыталась вернуть мне назад обручальное кольцо, но я отказался принять его. Хотя изо всех сил рвался в Англию, мечтая жениться на тебе, причем немедленно... С другой стороны, Андерсоны так много сделали для меня... Оставить Тину в критический момент?.. Этого я тоже не мог допустить.

Не прошло и месяца, как она оказалась на больничной койке. Борьба с недугом была тщетной. Нас обручили, когда Тина уже практически не вставала. Через несколько дней ее не стало... В последний момент она сказала мне: «Я понимаю, что дни мои сочтены, но я была счастлива. Любящая семья, прекрасный брат, ты... Благодарю, что ты украсил мою жизнь. Когда меня не станет, ты найдешь себе другую. – Потом добавила. – Может быть, похожую на твою кузину...»

Прошло какое-то время. Я понимал, что не имею права вмешиваться в твою жизнь.

Рейн плакала.

Ник горячо сжал ее руку.

- Не плачь, милая. Ты достойна счастья. И наша совместная жизнь должна быть счастливой. Жаль, что я сейчас не совсем в форме... А то можно было бы...

- А если я буду максимально помогать?

- Ну, разве доковылять до кровати...

Они лежали рядом, любовно поглаживая друг друга. – Рейн?..

- Ммм?

- Будь со мной нежна. Она рассмеялась, теперь их позиции менялись. К взаимному удовольствию.